

Память 15 сентября (ст. стиль 02 сентября)

Житие и страдание святого мученика Маманта

Святой мученик Христов Мамант родился в Пафлагонии¹. Родители его – Феодот и Руффина – были люди знатные: оба они происходили из рода патрициев², были в чести, богаты и сияли благочестием. они не могли долго скрывать в себе своей веры во Христа и горячей любви к Нему, открыто пред всеми исповедали свое благочестие и многих обратили ко Христу. Посему на них донесли Александру, наместнику города Гангры³. Наместнику же сему дано было от царя повеление – всевозможными мерами распространять и утверждать почитание языческих богов, христиан же и всех, кто не повинуется сему царскому повелению, мучить и убивать.

Призвав Феодота к себе на суд, Александр стал принуждать его принести жертву идолам. Но Феодот даже и слышать не хотел того, что говорил ему наместник. Александр, хотя и готов был тотчас же предать на мучение ослушника, однако удержался от сего, вследствие знатного происхождения Феодота;

ибо не имел он права бесчестить и мучить потомков патрициев, без особого на то царского дозволения. Посему Александр отослал Феодота в Кесарию Каппадокийскую⁴, к правителю Фавсту. Сей же правитель насколько был усерден в своем безбожном нечестии, настолько был жесток в отношении к христианам. Увидев Феодота, Фавст тотчас же заключил его в

темницу. Последовала за мужем своим и жена Феодота, блаженная Руффина, хотя и была в это время беременна: она вместе с ним пошла в темницу и здесь претерпевала страдания за Христа. Феодот знал немощь тела своего и видел лютую жестокость мучителя, но желал лучше умереть, нежели погрешить в чем-либо против благочестия. Боясь же, что не хватит у него сил перенести предстоящие тяжкие мучения, он обратился с усердною молитвою к Господу.

– Господи, Боже сил, – молился Феодот, – Отче возлюбленного Сына Твоего! Благословляю и прославляю Тебя за то, что сподобил меня быть вверженным в темницу сию за имя Твое. Но молю Тебя, Господи: Ты ведаешь немощь мою, прими же душ мой в этой темнице, да не похвалится о мне враг мой.

Бог, Который "создал сердца всех... и вникает во все дела" (Пс.32:15), услышал верного раба Своего и вскоре послал ему блаженную кончину; изведя душу его из темницы тела, Он вселил ее в светлые обители небесные. Жена же Феодота, блаженная Руффина, претерпевая в темнице нужду и страдания и объятая великою скорбью по своему муже, преждевременно родила сына. Взирая на новорожденного и на бездыханное тело своего мужа, она с сокрушением и слезами молилась Богу:

– Боже, создавший человека и из ребра его сотворивший жену, повели, да и я пойду тем же путем, коим пошел муж мой, и, разрешив меня от сего кратковременного жития, прими в

вечные Твои обители! Рожденного же младенца Ты Сам воспитай, как ведаешь! Будь для него отцом и матерью и хранителем жизни его!

Взывая так в свое печали к Богу, сия честная и святая жена была Им услышана и разрешена от уз тела, и отошла на вечную свободу, предав душу свою в руки господя. Младенец же остался живым посреди мертвых своих родителей.

Тогда **"храняй младенцы Господь"** (Пс.114:5) благоизволил открыть о случившемся одной знатной и благочестивой женщине, по имени Аммии, жившей в Кесарии. В сонном видении Он чрез Своего Ангела повелел ей испросить у правителя тела святых, представившихся в темнице и с честью их похоронить; младенца же взять к себе и воспитать его вместо сына. Проснувшись, Аммия поспешила исполнить, что повелел ей Господь, и стала просить у правителя позволения взять из темницы тела умерших узников. Бог преклонил на милость жестокое сердце правителя и тот не воспрепятствовал желанию почтенной женщины. И вот Аммия, войдя в темницу, обрела тела обоих узников, лежащих рядом, а посреди них – красивого и радостного младенца. Взявши тела святых, она с честью похоронила их в своем саду, а младенца взяла к себе. Она была бездетная вдова и целомудренно проводила жизнь свою. Полюбив младенца, как своего сына, она воспитывала его по-христиански.

Младенец возрастал, но до пяти лет ничего не говорил. Первое же слово, какое он сказал Аммии, ставшей для него как бы второй матерью, было "мамма" (греч. сосцы или мать.), и от этого слова был назван Мамантом. Аммия отдала его учиться грамоте, и он вскоре настолько превзошел своих сверстников, что все дивились его разуму.

Тогда в Риме царствовал нечестивый Аврелиан⁵. Он принуждал всех поклоняться идолам, и не только взрослых мужей и жен, но и малых отроков, причем на детей обращал даже особенное свое внимание, надеясь, что они, как малолетние и неразумные, легко могут быть прельщены и направлены на всякое злое дело. К тому же нечестивый царь думал, что дети, с юных лет привыкнув вкушать жертвенное мясо, под старость сделаются более усердными идолопоклонниками. Посему различными ласками он приводил их к своему нечестию. Многие из отроков и даже юноше действительно поддавались прельщению и повиновались воле царской. Но те, кто были товарищами Маманта по школе, следуя его наставлениям, не исполняли царских повелений. Ибо Мамант, в юных летах имея **"мудрость"**, которая **"есть седи́на для людей, и беспорочную жизнь — возраст старости"** (Прем.Сол.4:9), доказывал товарищам своим ничтожество языческих богов, бездушных и бессильных, и поучал их познавать Единого истинного Бога – Коего почитал Сам – и приносить Ему духовную жертву – дух сокрушенный и смиренное сердце (Пс.50:19).

В то время был прислан от царя в Кесарию на место Фавста другой правитель, по имени Демокрит. Он был великим ревнителем своей нечестивой и безбожной веры и как бы дышал гонением и убийством на христиан. Ему донесли о Маманте, что тот не только сам не кланяется богам, но и других отроков, с ним учащихся, развращает и научает христианской вере. Маманту в то время шел пятнадцатый год от рождения. Он был уже снова сиротой, так как вторая мать его – Аммия, оставив приемному сыну своему – св. Маманту, как единственному наследнику, большое имущество, отошла к небесному богатству, уготованному любящим Бога.

Демокрит, услышав о Маманте, послал за ним и, когда его привели, прежде всего спросил, христианин ли он, и правда ли, что он не только сам не поклоняется богам, но и развращает своих товарищей, научая их не повиноваться царскому повелению?

Юный Мамант, как совершенный и зрелый муж, безбоязненно отвечал:

– Я тот самый, кто за ничто считает вашу мудрость. Вы совратились с правого пути и блуждаете в такой тьме, что даже смотреть не можете на свет истины; оставив истинного и живого Бога, вы приступили к бесам и кланяетесь бездушным и глухим идолам. Я же от Христа моего никогда не отступлю и стараюсь всех, кого только могу, обращать к Нему.

Изумленный таким дерзновенным ответом Маманта, Демокрит разгневался и приказал немедленно вести его в храм скверного их бога Сераписа⁶ и там силою заставить принести жертву идолу. Мамант же, нисколько не боясь гнева правителя, спокойно возразил ему:

– Не должно тебе оскорблять меня: я – сын родителей, происходивших из знатного сенаторского рода.

Тогда Демокрит спросил предстоящих о происхождении Маманта и, узнав, что он родом от древних римских сановников, и что Аммия, знатная и богатая женщина, воспитала его и сделала наследником своего богатого имущества, не решился предавать его мукам, ибо и в самом деле не имел на то права. Посему, возложив на него железные оковы, отослал его к царю Аврелиану, бывшему тогда в городе Эгах⁷ и в письме объяснил ему всё, что касается Маманта. Царь, получив письмо Демокрита и прочитав его, тотчас приказал привести к себе юного Маманта. Когда мученик предстал пред ним, царь всячески стал склонять его к своему нечестию, то угрозами, то ласками, обещая дары и почести, и говорил:

– Прекрасный юноша, если ты приступишь к великому Серапису и принесешь ему жертву, то будешь жить с нами во дворце, по-царски будешь воспитан, и все тебя будут почитать и восхвалять, и воистину счастлив будешь; если же не послушаешь меня, то жестоко погибнешь.

Но юный Мамант мужественно отвечал ему:

– О, царь! Да не будет того, чтобы я поклонился бездушным идолам, коих вы почитаете как богов. Сколь безумны вы, кланяясь дереву и бесчувственному камню, а не Богу Живому! Перестань обольщать меня лживыми словами, ибо когда ты думаешь, что оказываешь мне благодеяния, на самом деле мучаешь, а когда мучаешь, то оказываешь тем благодеяние. Знай же, что все обещанные тобою мне благодеяния, дары и почести сделались бы для меня тяжкими муками, если бы я возлюбил их вместо Христа, а тяжкие муки, которым ты обещаешь предать меня ради имени Христа, будут для меня великим благодеянием, ибо смерть за Христа моего для меня дороже всяких почестей и стяжаний.

Так бесстрашно говорил пред царем св. Мамант, в юношеском теле имея разум и сердце возрастного мужа: ибо сила Божия и малого отрока может явить непреодолимым Голиафом⁸, **"из уст младенцев и грудных детей Ты устроил хвалу"** (Пс.8:3) и малолетнее дитя умудрит настолько, что оно будет понимать лучше старцев. Всё сие и исполнилось на юном Маманте: не убедили его слова царя незаконного, не прельстили дары, не уstraшили мучения, кои он принял с большею радостью, чем великие почести.

Разгневанный мучитель тотчас же приказал быть его без пощады. Но св. Мамант переносил мучения с таким терпением, как будто бы не чувствовал никакой боли.

Царь говорил ему:

– Обещай только, что принесешь жертву богам, – и тотчас будешь освобожден от мучения.

Мученик же отвечал:

– Ни сердцем, ни устами не отрекусь я от Бога и Царя моего – Иисуса Христа, хотя бы и в десять тысяч раз больше нанесли мне ран; раны эти соединяют меня с возлюбленным Господом моим, и я желаю, чтобы не уставали руки моих мучителей, ибо чем больше они бьют меня, тем больше доставляют мне благ у подвигоположника Христа.

Аврелиан, видя, что Мамант нимало не страшится страданий, приказал опалить тело его свечами. Но огонь, как бы устыдясь тела мученика, не прикоснулся к нему, а обратился на лица мучителей. И возгорел царь гневом и воспламенел яростью сильнее, чем мученик Христов огнем вещественным: ибо насколько тот не обращал внимания на огонь, настолько сердце мучителя воспалялось. И приказал царь побить св. Маманта камнями. Но сие страдание для мученика, обьятого любовью ко Христу, было так приятно, как будто бы кто осыпал его благовонными цветами. Тогда царь, видя, что ничем не может добиться успеха, осудил мученика на смерть и повелел бросить его в море. Привязав на шею его тяжелый свинец, слуги царские повели его к морю. Но и здесь не оставил Господь раба Своего, **"ибо Ангелам Своим заповедает о тебе – охранять тебя"** (Пс.90:11). На пути к морю явился

Ангел Господень, блестящий как молния. Увидев его, слуги оставили св. Маманта и со страхом бежали назад. Ангел же, взяв мученика, отвязал свинец и, приведя на высокую гору у пустыне, близ Кесарии, повелел ему жить там.

Житие в пустыне св. Мамант начал постом. На горе той он постился сорок дней и сорок ночей и явился как бы второй Моисей (Исх.24:18), коему в руки дан был новый закон: ибо сошел к нему с неба голос и жезл. Приняв сей жезл, Мамант, по повелению свыше, ударил им в землю, и тотчас из глубины земли явилось Евангелие. После сего построил он небольшую церковь и молился в ней, читая святое Евангелие. По повелению Божию, к св. Маманту собирались из той пустыни звери, как овцы к пастырю, и как будто существа разумные слушали его и повиновались ему. Пищею ему служило молоко диких зверей, из коего он изготовлял сыр, – и не только для себя, но и для бедных: ибо, наготовив много сыру, он носил его в город Кесарию и раздавал бедным.

Вскоре по всей Кесарии распространился слух о Маманте. Тогда Александр, – не тот, о коем было упомянуто выше, но другой, – поставленный в то время наместником в Каппадокии, человек жестокий и очень злой, узнав всё о Маманте, счел его за чародея и послал воинов на конях в пустыню разыскать его и привести к себе. Сойдя с горы, св. Мамант сам встретил всадников и спросил, кого они ищут. Те, думая, что это пастух, пасущий на горе своих овец, отвечали:

– Мы ищем Маманта, который живет где-то в этой пустыне; не знаешь ли ты его, где он?

– Зачем вы ищете его? – спросил их Мамант.

Воины отвечали:

– На него донесли наместнику, что он чародей, и вот наместник послал нас взять его для мучения.

Тогда Мамант сказал им:

– Я расскажу вам, друзья мои, о нем, но прежде войдите в хижину мою и, отдохнув немного от труда, подкрепитесь пищею.

Воины пошли с ним в его жилище, и он предложил им сыру. Когда они стали есть, пришли лани и дикие козы, кои привыкли, чтобы их доил святой подвижник. Мамант надоил молока и предложил воинам пить, а сам стал на молитву. И стало собираться еще больше зверей. Увидав их, воины испугались и, бросив пищу, пришли к Маманту. Он успокоил их, а затем объявил, что он есть тот самый Мамант, коего они ищут. Тогда они сказали ему:

– Если сам ты желаешь идти к наместнику, то иди с нами; если же не хочешь, то отпусти нас одних, ибо мы не смеем вести тебя. Но просим тебя, чтобы звери не трогали нас.

Успокоив воинов, Мамант велел идти им вперед.

– Идите, – сказал он, – сначала вы, а я пойду вслед за вами один.

Удалившись оттуда, воины ожидали пришествия Маманта у городских ворот, ибо вполне верили словам такого дивного мужа и даже подумать не могли о нем что-нибудь дурное. Мамант же, взяв с собою льва, пошел вслед за воинами. Когда он вошел в городские ворота, лев остался за городом; воины же, взявши Маманта, представили его к наместнику Александру.

Наместник, увидев святого, тотчас начал допрашивать его:

– Ты ли тот самый чародей, о котором я слышал? – сказал он.

Святой же отвечал:

– Я раб Иисуса Христа, посылающего спасение всем верующим в Него и исполняющим волю Его, волхвов же и чародеев предающего вечному огню. Скажи мне: зачем ты призвал меня к себе?

– Затем, – отвечал наместник, – что не ведаю, какими волхвованиями и чарами ты настолько укротил диких и лютых зверей, что живешь посреди них и, как я слышал, повелеваешь ими, как будто существами разумными.

Св. Мамант и на это сказал:

– Кто служит Богу Единому, Живому и Истинному, тот никак не согласится жить с идолопоклонниками и злодеями. Посему и я пожелал лучше жить со зверями в пустыне, нежели с вами в селениях грешников. Ибо звери укрощаются и повинуются мне вовсе не волхвованием, как ты думаешь, – я даже и не знаю, в чем состоит волхвование, – но хотя они и неразумные существа, однако умеют бояться Бога и почитают рабов Его. Вы же гораздо неразумнее зверей, ибо не почитаете истинного Бога и бесчестите рабов Его, без милосердия их муча и убивая.

Наместник пришел в ярость, услышав такие слова, и тотчас приказал повесить св. мученика, бить и строгать железными когтями тело его. Но мученик, хотя и сильно был уязвляем, переносил сие с таким мужеством, как будто бы не чувствовал никакого страдания: он ни вскрикнул, ни застонал, и только с умилением возводя очи свои на небо, оттуда ожидал помощи, каковую действительно и получил: ибо внезапно был к нему с неба голос, глаголющий:

– Крепись и мужайся, Мамант!

Голос это слышали многие из предстоящих здесь верующих и еще более утвердились в своей вере. Святой же Мамант, совершенно укрепленный тем голосом, нисколько не думал о муках. Долго мучили святого, строга его тело; наконец бросили его в темницу на время, пока приготовят печь, в коей задумал сжечь его наместник. В темнице сидело до сорока других узников. Когда они изнемогли от голода и жажды, св. Мамант помолился – и вот, чрез оконце влетел в темницу голубь, держа во тру пищу, светлую, как бисер, и слаще меду; положив ее пред св. Мамантом, голубь вылетел вон. Пища та для всех узников умножилась, как некогда умножились в пустыне малые хлебы для множества народа (Мф.14:19-20). Вкусив этой чудесной пищи, узники подкрепились. И снова, по молитве святого Маманта, в полночь открылись двери темницы, и все узники вышли; остался только один св. Мамант. Когда же сильно разгорелась печь, мученик был выведен из темницы, и все узники вышли; остался только один св. Мамант. Когда же сильно разгорелась печь, мученик был выведен из темницы и ввержен в эту огненную печь. Но Бог, некогда оросивший печь Вавилонскую для трех отроков (Дан.3:8), и для Маманта оросил огонь и посреди горящего пламени соделал рабу Своему прохладу. Мученик, воспевая и славя в той печи Бога, пробыл в ней три дня, пока печь совершенно не остыла и уголья не обратились в пепел. Чрез три дня наместник, увидев, что Мамант еще жив, изумился и сказал:

– Ужели так велика сила чародея сего, что даже огонь не может его касаться?

Многие же из народа, увидав, что огонь нимало не коснулся святого и не сделал ему вреда, познали истинного Бога и, приписывая Ему Единому чудо сие, прославляли силу Его.

Безумный же наместник не восхотел, однако, познать всемогущего Бога, но, изведя мученика из печи и видя, что огонь не повредил ему, приписал это чародейству и многие хулы говорил на истину. Наконец он осудил мученика на съедение зверям. Привели святого в цирк⁹ и выпустили на него голодную медведицу; но она, приблизившись, поклонилась святому и лежала у ног его, обнимая стопы его. Потом выпустили леопарда, но и тот с кротостью обнял шею его, целовал лицо и облизывал пот с чела его. В это время прибежал лев – тот самый, который пришел со святым из пустыни, и, вскочив в цирк, проговорил к святому человеческим голосом (ибо Бог, в явление всемогущей Своей силы, открыл уста зверю, как некогда ослице Валаамовой, следующие слова:

– Ты – пастырь мой, который пас меня на горе!

И, проговорив сие, тотчас бросился на народ, которого там было бесчисленное множество, и еллинов и иудеев, и взрослых и детей. По воле Божией, двери цирка заперлись сами собой, и растерзал там зверь множество народа, так что едва спасся сам наместник: весьма немногие из бывших в цирке избежали ярости льва, который хватал и терзал всех с лютостью. Но святой укротил льва и отослал его в пустыню. Наместник же, снова схватив святого, продержал его некоторое время в темнице и, выведя вторично в цирк, выпустил на

него самого свирепого льва. Но и сей лев, мгновенно став кротким, лежал у ног святого. Видя сие, народ от гнева скрежетал зубами на святого и кричал наместнику:

– Уведи льва, а мы этого чародея побьем камнями!

И стали бросать камни в мученика. Один же из языческих жрецов, по повелению мучителя, сильно ударил святого трезубцем в чрево и рассек его, так что из чрева выпали все внутренности. Подобрал их и держа собственными руками, св. Мамант пошел вон из города. Кровь его, истекающую как воду, одна из верующих женщин собирала в сосуд. Пройдя около 200 сажень, св. Мамант обрел в каменной скале пещеру и уснул в ней. Здесь он услышал голос с неба, призывающий его в горние селения, и с радостью предал дух свой в руки Господа, за Коего усердно пострадал¹⁰.

Так св. Мамант принял венец мученический. Святые мощи его были погребены верующими на месте кончины, и там совершались многие исцеления и чудеса, как это ясно видно из слов св. Василия Великого, который в своей проповеди к народу, на память св. мученика Маманта, говорит:

– Поминайте святого мученика – те, кто видел его в видении, кто из живущих на сем месте имеет его помощником, кому из призывающих имя его он помог самым делом, кого из заблудших в жизни наставил, кого от недугов исцелил, чьих детей, уже умерших, снова возвратил к жизни, чью жизнь продолжил, – все, собравшись воедино, принесите хвалу мученику.

Когда Юлиан Отступник¹¹, еще будучи в молодых летах и желая оставить по себе памятник благочестия (хотя уже и в то время был волком в овечьей шкуре), начал строить в честь св. мученика Маманта над его гробницею великолепную церковь (делал же это не по благочестию, а из тщеславия и лицемерия), тогда воистину можно было видеть преславное чудо. Ибо что днем создавалось, то в ночь разрушалось: поставленные столбы обращались в груды; одни из камней не могли как следует держаться в стене, другие делались твердыми, так что нельзя было тесать их; иные – в прах рассыпались; цемент же и кирпичи каждое утро находили как бы рассыпанными от ветра и развеянными с своего места. И это было обличением зловерия Юлиана и знамением его будущего гонения на церковь Божию. Таковое чудо совершалось при гробе святого: ибо не желал святой, чтобы в честь его была построена церковь для тех, коим в скором времени предстояло гонение за истинную веру.

Молитвами, Господи, мученика Твоего Маманта сотвори с нами знамение во благо и избави нас от гонящих нас, да славим Тя со Отцом и Святым Духом во веки, аминь.

Кондак, глас 3:

Жезлом святе, от Бога тебе данным, люди твоя упаси на пажитях живоносных: звери же невидимыя и неукротимыя сокруши под ноги твоя поющих: яко вси, иже в бедах, предстателя твоя тепла Маманте, имут.

¹ Пафлагония – провинция Римской империи, находившаяся на юге Малой Азии.

² Высшее сословие в Римской империи, соответствующее нашему родовитому дворянству, называлось патрициями.

³ Гангра – главный город Пафлагонии.

⁴ Имя Кесарии носили несколько городов. Кесария, главный город Римской провинции Каппадокия, был впоследствии разрушен землетрясением.

⁵ Император Аврелиан царствовал с 270 по 275 гг.

⁶ Серапис – языческое божество, изображавшееся в виде мужчины на троне, со скипетром в руках и орлом у ног; на голове – корзина, символ обилия. Оно олицетворяло собою мужественную и производительную силу природы. Во времена мч. Маманта почитание этого идола в Римской империи было особенно распространено.

⁷ Город Эги находился в провинции Киликии, в Малой Азии, при Исском заливе.

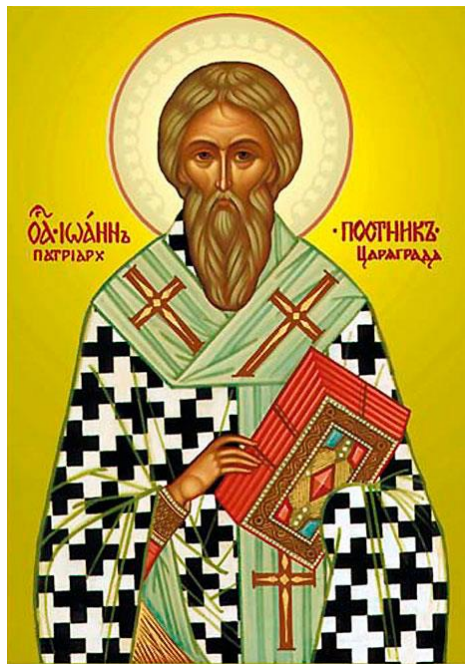
⁸ Голиаф – известный библейский великан, филистимлянин, считавшийся непобедимым и павший в единоборстве с Давидом (1Цар., 17 гл.).

⁹ Цирком называлась площадь, огороженная рядом скамей или стеною Там происходили состязания бойцов между собою и со зверями. На эту площадь или арену бросали и христиан и потом выпускали сюда хищных зверей, которые содержались при цирке в особых клетках.

¹⁰ Мамант скончался в 275 г.

¹¹ Император Юлиан царствовал с 361 по 363 гг. Сделавшись императором, он отступил от христианской веры и поставил задачей своей жизни восстановление язычества. Посему он и называется Отступником.

Житие святого Иоанна Постника, патриарха Константинопольского

Святитель Иоанн родился в Константинополе¹; подвизался он при царях: Юстине², Тиверии³ и Мавриикии⁴. Первоначально он был золотых дел мастером; по своей добродетельной жизни был муж благочестивый, нищелюбивый, страннолюбивый и богобоязненный.

Поселив у себя в доме палестинского монаха, именем Евсевия, Иоанн жил вместе с ним. Однажды, когда они шли вместе, инок сей находился по правую сторону Иоанна. Вдруг слышит он, что кто-то незнакомый ему говорит: "не следует тебе, отче, идти по правую сторону великого". Это было предзнаменованием Божиим об Иоанне, что ему будет вверено великое архиерейское служение. Услышав сие, монах рассказал о том блаженному Евтихия, патриарху Константинопольскому⁵, который стал увещевать Иоанна принять пострижение, так как считал его достойным быть в церковном причте.

И вот, в церкви святого Лаврентия, во время стояния на молитве, св. Иоанну последовало следующее откровение: в алтаре он увидел множество святых, и все они надевали на себя белые и блестящие одежды и пели прекрасные песнопения. Потом из алтаря вышел какой-то человек с сосудом, из которого цедро подавал милостыню многим собравшимся нищим; однако сосуд не пустел. Когда один из нищих воскликнул от тесноты: "Господи помилуй, доколе не опустеет сосуд сей!" – сосуд тотчас же сделался пуст. Сие откровение заставило преподобного задуматься и он дивился видению, которое предзнаменовало, как его будущий сан, так и его великую щедрость к нищим.

По прошествии некоторого времени, умер Константинопольский патриарх Евтихий и, Божиим изволением, Иоанн, как достойный, был избран и назначен для рукоположения, но не соглашался, пока не увидел следующего грозного видения: с одной стороны было видно море, поднимающееся до небес, и страшная огненная печь; с другой же стороны – множество ангелов, говорящих ему: "ты не принимаешь престола? – Пусть будут другой, но ты от всех нас будешь наказан". После того как ангелы с угрозой сказали сие Иоанну, он, хотя и против желания, повиновался и был поставлен патриархом Константинопольским. В сем сане проводил он постническую и добродетельную жизнь до самой смерти своей, как о том свидетельствуют чудеса его. Великое волнение морское он утишил молитвою и крестным знаменем. Одного слепца, именем Иоанна, из Газы⁶, соделал зрячим, положив на глаза его часть Тела Христова с словами: "Исцеливший слепого от рождения, Тот да исцелит тебя", – и слепой тотчас прозрел.

Однажды, по Божию попущению, был большой мор в Константинополе. Преподобный молился, чтобы Бог отвратил праведный гнев Свой. Одному из верных своих слуг он приказал взять два сосуда, – один полный мелких камней, а другой пустой, стать на весь день к месту, где приносили умерших, и считать их, перелая камни из полного сосуда в пустой. Сосчитав, слуга нашел в первый день пронесенных мертвецов триста двадцать три

и возвестил о том святому. Святой же Иоанн предсказал, что мор прекратится; это и стало сбываться с каждым днем, потому что на второй день стоящий и считающий слуга нашел пронесенных мертвецов менее, в третий день – еще менее, в воскресенье же, по предсказанию святого и по молитвам его, мор окончательно прекратился.

Воздержание святого Иоанна было таково, что шесть дней он не вкушал никакой пищи, в седьмой же – вкушал немного огородных плодов: или дыни, или винограда, или смоквы. Так питался он во всё время своего святительства. Спал он весьма мало, да и то сидя; при этом он привязывал небольшую веревку к свече, и ставил кадку с водою, чтобы, когда свеча догорит и веревка упадет в кадку, происходил шум и, таким образом, пробуждал бы его. В молитвах святой пребывал постоянно, и в подвигах многих боролся со страстями. Многократно он обращал вспять нашествие иноплеменников и избавлял от гибели город своими молитвами и постом; паству свою соблюдал от врагов видимых и невидимых; был весьма милостив, отец сиротам, нищим кормилец, обидимым защитник, ревнитель по Боге, искоренитель всякой злобы. Однажды в пятницу святому было возвещено, что на другой день будет конское состязание: была же тогда суббота Пятидесятницы. И отвечал святой: "конское состязание в святую Пятидесятницу да не будет", и, пав на колена, молился Богу, чтобы, ради страха и для разрушения такого дела, явилось какое-нибудь знамение. И вот, – когда все собрались на место, где обычно происходили состязания, и когда состязания начались, – внезапно сделалась сильная буря, гром и молния, пошел дождь и большой град, так что все от страха разбежались с релища.

Преподобный имел власть изгонять и нечистых духов. Так, одна жена, имевшая бесноватого мужа, повела его к одному пустыннику, но он сказал ей: "Иди к святейшему Иоанну, патриарху Константинопольскому, – тот исцелит твоего мужа". Исполнив сие, жена получила просимое, и вместе с мужем, исцеленным молитвами преподобного, пошла с радостью домой. И вообще многие больные получали исцеления от святого. У многих женщин по его молитвам, разрешалось неплодие.

Так мудро упасши словесное стадо, преподобный в маститой старости достиг блаженной кончины и перешел от земли в небесные селения⁷. Когда тело святого лежало уже мертвым, к нему пришел для прощания известный начальник области Нил и, преклонившись, поцеловал его. Святой же, будучи мертвым, на виду и к удивлению всех, прошептал начальнику области Нилу несколько слов на ухо, которых тот никому не сказал. Похоронили св. Иоанна внутри алтаря св. Апостолов, как достойного такой чести, прославляя и благословляя дивного во святых Бога – Отца, и Сына, и Святого Духа. Аминь.

¹ Константинополь – столица Византийской империи, ныне Стамбул; основана Константином Великим в 326 г. по Р. Х., на месте прежнего незначительного городка Византии.

² Юстин II младший – восточно-римский император, царствовал 565-578 гг.

³ Тиверий – преемник Юстина II; царствовал 578-582 гг.

⁴ Преемник Тиверия; царствовал 582-602 гг.

⁵ Евтихий был патриархом в первый раз 552-565; затем патриархом был после него в продолжение 5 лет Иоанн III Схоластик; потом Евтихий снова был возведен на патриаршество и патриаршествовал до самой смерти своей, последовавшей в 582 г., когда был возведен на его место св. Иоанн IV Постник.

⁶ Газа расположена на берегу Средиземного моря; в древности была одним из пяти известнейших Филистимских городов и служила пределом хананеев на юге Палестины. В Новом Завете о Газе упоминается только в истории обращения вельможи Ефиопской царицы Кандакии (Деян.8:25). С IV века Газа была уже христианским городом, а в VII веке покорена магометанами.

⁷ Это было 2 сентября 595 года по Р.Х.

В тот же день память 3618 мучеников, в Никомидии пострадавших

В царствование римских императоров Диоклитиана и Максимиана¹ пострадало за Христа в Никомидии² 3618 мучеников, пришедших из Александрии. По убиении святого Петра, архиепископа Александрийского, убийцы его уверовали в Господа со всеми своими домашними и со многими другими, желавшими умереть за Христа. Взяв с собою жен и детей и всех ближних, они добровольно пошли в Никомидию на мучение за Христа и явились к царю, восклицая: "Мы – христиане!" Услыхав это, Диоклитиан пришел в смущение и сначала посредством ласкательств увещевал их отречься Распятого, но когда они не повиновались, повелел воинам усечь их пред собою мечами и тела их бросить в горные пропасти. Спустя много лет, честные мощи их были обретены по причине последовавших чудес святых мучеников.

¹ В 284 году римская империя разделилась на восточную и западную: первую управлял Диоклитиан, а вторую друг его Максимиан; царствовали с 284 по 305 гг.

² Никомидия – столица восточной империи, резиденция императора Диоклитиана, великолепный город в области Вифинии на берегу Пропонтиды (Мраморного моря), в северо-западной части Малой Азии.

Память прпп. Антония (1073) и Феодосия (1074) Печерских

Дни памяти

прп. Антония - 23 июля, 15 сентября

прп. Феодосия - 16 мая, 27 августа (перенесение мощей), 15 сентября

Прпп. Антоний и Феодосий Печерские – основатели русского монашества. Св. Антоний (ок. 983-1073), уроженец Любеча, принял постриг на Афоне, затем вернулся на Русь и поселился в пещере близ Киева (1051 г.). Его строгая подвижническая жизнь привлекала учеников, среди которых был прп. Феодосий (ок. 1008/1036-1074). Св. Феодосий ввел строгий общежительный устав по образцу Студийского монастыря. Основанная прп. Антонием и устроенная прп. Феодосием Киево-Печерская обитель сделалась образцом для других монастырей и имела великое значение для развития Русской Церкви.

Основатель Киево-Печерской Лавры святой Антоний родился в начале XI века в городе Любече (вблизи Чернигова) и в Крещении был назван Антипой. С юных лет он почувствовал влечение к высшей духовной жизни и по внушению свыше решился идти на Афон. В одной из Афонских обителей он принял постриг и начал уединенную жизнь в пещере близ этого монастыря, которую до сих пор показывают. Когда он приобрел в своих

подвигах духовную опытность, игумен дал ему послушание, чтобы он шел на Русь и насадил иночество в этой новопросвещенной христианской стране. Антоний повиновался. Когда преподобный Антоний пришел в Киев, здесь было уже несколько монастырей, основанных по желанию князей греками. Но святой Антоний не избрал ни одного из них, поселился в двухсаженной пещере, выкопанной пресвитером Иларионом. Это было в 1051 г. Здесь святой Антоний продолжал подвиги строгой иноческой жизни, которыми славился на Афоне: пищей его были черный хлеб через день и вода в крайне умеренном количестве. Вскоре слава о нем разнеслась не только по Киеву, но и по другим русским городам. Многие приходили к нему за духовным советом и благословением. Некоторые стали проситься к нему на жительство. Первым был принят некто Никон, саном иерей, вторым преподобный Феодосий.

Преподобный Феодосий провел свою молодость в Курске, где жили его родители. С ранних лет он обнаружил благочестивое настроение духа: каждый день он бывал в храме, прилежно читал слово Божие, отличался скромностью, смирением и другими добрыми качествами. Узнав, что в храме иногда не служат литургию из-за недостатка просфор, он решил сам заняться этим делом: покупал пшеницу, своими руками молот и испеченные просфоры приносил в церковь.

За эти подвиги он терпел много неприятностей от матери, которая горячо его любила, но не сочувствовала его стремлениям. Услышав однажды в церкви слова Господни: «Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня» (Мф.10,37), он решился оставить и мать (отец уже умер), и родной город и явился в Киев к преподобному Антонию. «Видишь ли, чадо, – спросил его Антоний, – что пещера моя скромна и тесна?» – «Сам Бог привел меня к тебе, – ответил Феодосий, – буду исполнять то, что ты мне повелишь».

Когда число сподвижников преп. Антония возросло до 12, он удалился на соседнюю гору, вырыл себе здесь пещеру и стал подвизаться в затворе. Феодосий остался на прежнем месте; скоро он был избран братией во игумена и начал стараться об учреждении правильного общежития по уставу цареградского Студийского монастыря. Главные черты учрежденного им общежития были следующие: все имущество у братии должно быть общее, время проводилось в непрестанных трудах; труды разделялись по силе каждого игуменом; каждое дело начиналось молитвой и благословением старшего; помыслы открывались игумену, который был истинным руководителем всех ко спасению. Преподобный Феодосий часто обходил келлии и наблюдал, нет ли у кого чего лишнего и чем занимается братия. Часто и ночью он приходил к двери келлий и, если слышал разговор двух или трех иноков, сошедшихся вместе, то ударял жезлом в дверь, а утром обличал виновных. Сам преподобный был во всем примером для братии: носил воду, рубил дрова, работал в пекарне, носил самую простую одежду, прежде всех приходил в церковь и на монастырские работы. Кроме аскетических подвигов, преп. Феодосий отличался великим милосердием к бедным и любовью к духовному просвещению и старался расположить к ним и свою братию. В обители он устроил особый дом для жительства нищих, слепых, хромых, расслабленных и на содержание их уделял десятую долю монастырских доходов.

Кроме того, каждую субботу отсылал целый воз хлеба заключенным в темницах. Из сочинений преподобного Феодосия известны: два поучения к народу, десять поучений к инокам, два послания к великому князю Изяславу и две молитвы.

Основанная преподобным Антонием и устроенная преподобным Феодосием Киево-Печерская обитель сделалась образцом для других монастырей и имела великое значение для развития Русской церкви. Из ее стен выходили знаменитые архипастыри, ревностные проповедники веры и замечательные писатели. Из святителей, постриженников Киево-Печерской обители, особенно известны святые Леонтий и Исаия (епископы Ростовские), Нифонт (епископ Новгородский), преподобный Кукша (просветитель вятичей), писатели преп. Нестор Летописец и Симон.

По материалам сайта: <https://azbyka.ru/days/sv-antonij-pecherskij>

Память преподобного Феодосия Тотемского

Дни памяти

10 февраля

21 июня (переходящая) - Собор Вологодских святых

15 сентября - Обретение мощей

Прп. Феодосий Тотемский (Суморин), вологжанин, с юности вел благочестивую жизнь. Овдовев, он ушел в Прилуцкий монастырь. Позже, направленный в Тотьму, испросил разрешения основать там новую обитель и стал её настоятелем. Будучи игуменом, он вёл крайне аскетичную жизнь, изнуряя тело веригами. Скончался в 1568 году и был погребён в основанном им монастыре. Его мощи были обретены нетленными в 1796 году.

Прп. Феодосий родился в начале XVI в. Он происходил из знатной вологодской семьи. В молодости Феодосий вступил в брак и имел дочь. Тем не менее семейная жизнь не мешала ему посвящать большую часть времени Богу и чем дальше, тем больше стремиться к монашеству.

Когда друг за другом умерли жена и родители прп. Феодосия, Господь открыл ему, что настало подходящее время. Святой отдал дочь на воспитание близким родственникам и принял постриг в Спасском монастыре, построенном прп. Дмитрием Прилуцким [11 фев.]. Феодосию было поручено управлять работами на солеварнях. Он с усердием исполнял свое дело, при этом относясь с кротостью и состраданием к работникам. В результате выработка значительно выросла.

Через несколько лет жители Тотьмы решили переселиться чуть подальше. Было найдено и место для строительства монастыря, чтобы монахи своими молитвами принесли Господне благословение новому городу. По просьбе прихожан игумен Прилуцкого монастыря сделал настоятелем новой обители прп. Феодосия. Отправляя святого в Тотьму, игумен Прилуцкий благословил его иконой, от которой впоследствии произошло множество чудес.

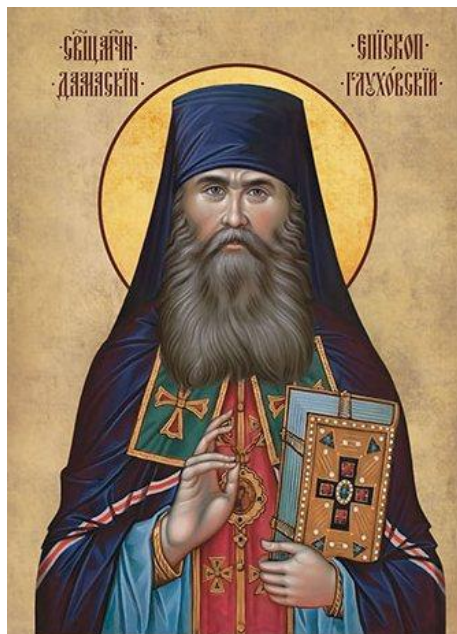
Вначале на новом месте было лишь несколько хижин среди леса, однако местные жители жертвовали монастырю земли и помогали в строительстве. Царь Иван Грозный и митрополит Московский также много способствовали благоустройству обители. В глубоком смирении прп. Феодосий во всех своих начинаниях возлагал упование на Господа, поэтому Бог всегда подавал ему помощь и изливал Свое благословение. Устав, введенный прп. Феодосием, предписывал насельникам монастыря питать себя плодами собственных трудов и сверх этого предусматривать необходимое для милостыни. Все они усердно предавались непрестанной молитве как в церкви, так и за работой, и постоянно, днем и ночью, читали Псалтирь за упокой душ всех усопших горожан.

Прп. Феодосий почил в мире 28 января 1568 г., благословив и облобызав всех братий.

«Синаксарь», составленный афонским иеромонахом Макарием из обители Симонопетра.

Святые Казахстанской земли

Дамаскин (Цедрик) (1878 - 1937) – епископ Глуховский, священномученик

В миру Цедрик Дмитрий Дмитриевич, родился 29 октября 1878 года в местечке Маяки Одесского уезда Херсонской губернии в семье почтового чиновника. Брат иерея Николая Цедрика.

По окончании в 1893 году Херсонского духовного училища поступил в Одесскую духовную семинарию.

В 1895 году перешел в Херсонскую учительскую семинарию.

В 1902 году окончил миссионерские курсы при Казанской духовной академии.

9 июня 1902 года принял монашеский постриг с именем Дамаскин, 10 июня рукоположен во иеродиакона, 30 июня - во иеромонаха.

С 26 октября 1902 года - заведующий Читинским миссионерским училищем.

15 ноября 1903 году назначен миссионером в Агинский и Иргенский станы, 1 января 1904 года перемещен в той же должности в Курумкано-Гаргинский

миссионерский стан.

12 сентября 1905 году зачислен слушателем на курсы Восточного института во Владивостоке. Одновременно исполнял обязанности учителя пения (с ноября 1905) и законоучителя (с сентября 1906) во Владивостокской мужской гимназии.

1 февраля 1907 года причислен к владивостокскому архиерейскому дому, исполнял должность настоятеля храма Восточного института, служил в храме на станции Седанка (пригород Владивостока).

1 июля 1907 года назначен на должность благочинного Камчатского и Гижигинского округов, 2 августа освобожден от этого назначения, оставлен во Владивостоке.

С ноября 1908 года - настоятель храма Владивостокской мужской гимназии.

В 1909 году по окончании Восточного института уехал в отпуск в Санкт-Петербург, предполагая поступить на 4-й курс восточного факультета Санкт-Петербургского университета.

31 мая 1910 года назначен миссионером в село Болхуны (Болтун-Сан) Черноярского уезда Астраханской губернии.

20 октября 1911 году причислен к донскому архиерейскому дому, вел миссионерскую работу среди калмыков.

Во время первой мировой войны служил на Кавказском фронте начальником врачебно-питательного отряда Красного Креста (с весны 1915) и отряда по борьбе с заразными болезнями (с 1916). В 1917 году санитар и войсковой священник 10-го армейского запасного полка на Юго-Западном фронте.

9 мая 1918 году демобилизован.

В 1918 году был арестован в Орловской губернии, приговорен к расстрелу, но избежал казни. В том же году переехал в Киев, стал насельником Киевского Михайловского Златоверхого монастыря, зачислен студентом в Киевскую духовную академию. Киевский митрополит Антоний (Храповицкий) назначил его епархиальным миссионером.

После отступления осенью 1919 года из Киева войск генерала А. И. Деникина он переехал в Крым.

В 1920 году архиепископом Таврическим Димитрием (Абашидзе) был возведен в сан архимандрита и назначен настоятелем Балаклавского Георгиевского монастыря, находящегося в 12 верстах от Севастополя и в 8 верстах от Балаклавы, на высоком берегу у Черного моря.

По отзыву архиепископа Никодима (Кроткова), в Крыму архимандрит Дамаскин ревностно отстаивал интересы Церкви перед властями, зарекомендовал себя живым и деятельным человеком, "любителем благостного богослужения (он прекрасный чтец и певец), проповедником усердным и умелым практическим деятелем".

5 ноября 1922 года в Симферополе привлечен к суду. Оправдан Верховным судом Крымской АССР.

В начале 1923 года вновь был арестован по обвинению в "сопротивлении изъятию церковных ценностей", девять месяцев находился в тюрьме вместе с епископом Евсеием (Рождественским), затем освобожден и выслан за пределы республики. Уехал в Москву, жил в Даниловом монастыре.

В 1923 году представители общин города Глухова Черниговской губернии обратились к Патриарху Московскому и всея России святителю Тихону (Белавину) с просьбой об открытии у них епископской кафедры.

18 ноября 1923 году святитель Тихон возглавил в Донском монастыре хиротонию Дамаскина во епископа Глуховского, викария Черниговской епархии, назначенного временно управляющим Черниговской епархией. В том же году также упоминается временно управляющим Стародубским викариатством, ввиду ссылки викария. В январе 1924 году прибыл в Глухов. Архиерей организовал деятельность епархиального управления и канцелярии, викарных и благочинных правлений, совершал поездки по епархии.

15 сентября 1924 года был арестован в городе Нежине Черниговской губернии, помещен в черниговскую тюрьму. Обвинялся в организации нелегальных структур церковного управления, в выступлениях против обновленчества и поминовении за богослужением находившихся в заключении епископов. Православные общины Чернигова, Глухова, Нежина и Новгорода-Северского обращались с ходатайствами о назначении над епископом суда или, при отсутствии обвинения, - о его немедленном освобождении.

14 мая 1925 года архиерей был освобожден, в июле подвергся кратковременному аресту за "контрреволюционную пропаганду". В августе привлечен к следствию по делу "Воздвиженской Неплюевской монархической организации" - основанного Н.Н. Неплюевым Кресто-Воздвиженского религиозного трудового братства, продолжавшего существовать после революции как сельскохозяйственная артель. Владыка неоднократно посещал Неплюевскую коммуну, видя в ней способ духовной защиты от безбожия. После обыска с него была взята подписка с обязательством выехать в Москву. С сентября он жил в московском Даниловом монастыре.

30 ноября 1925 года был арестован с большой группой архиереев по делу Патриаршего Местоблюстителя Крутицкого митрополита Петра (Полянского). Его обвиняли в участии в нелегальном "Даниловском синоде". Находился в заключении во внутренней тюрьме ОГПУ и в Бутырской тюрьме. 21 мая 1926 году приговорен особым совещанием при Коллегии ОГПУ к 3 годам ссылки в Сибирь.

В ноябре 1928 году архиерей был освобожден с ограничениями в выборе места жительства. По дороге из ссылки 11 декабря 1928 года в Москве он встретился и долго беседовал с митрополитом Сергием, но не был удовлетворен словами Заместителя

Патриаршего Местоблюстителя о том, что "Декларация" была полезна Церкви, поскольку способствовала ее легализации в государстве.

С конца 1928 года жил в ранее входившем в состав Черниговской епархии городе Стародубе, служил в Иоанно-Предтеченской церкви.

В апреле 1929 года, получив распоряжение митрополита Сергия о необходимости предоставления духовенством в органы власти сведений о церковных общинах, прекратил поминовение митрополита Сергия за богослужением. В мае обратился к митрополиту Сергию с письмом, в котором писал, что издание "Декларации" означало отказ от достоинства и внутренней свободы Церкви.

27 ноября 1929 года был арестован в Стародубе как "руководитель церковной контрреволюционной группировки", помещен в смоленскую тюрьму. Обвинялся в "организации активного противодействия мероприятиям советской власти, направленным против церкви", в "подготовке перехода всей церковной деятельности в подполье (катакомбы)" и в "контрреволюционной оппозиции митрополиту Сергию". На следствии отверг основанные на доносах обвинения в организации "конспиративных контрреволюционных собраний"; в письме в областной отдел ОГПУ подчеркнул аполитичность "истинного православного" течения в Церкви, писал о бесперспективности борьбы государства с Церковью, поскольку "невозможно уничтожить вековую идею христианства, ибо она в духе человека".

28 мая 1930 года был осужден Коллегией ОГПУ по Западной области на 10 лет исправительно-трудовых лагерей. Наказание отбывал в Соловецком лагере на Анзерском острове, освобожден по инвалидности в конце ноября 1933 года.

В начале 1934 года прибыл в Херсон.

1 августа 1934 году был арестован в Нежине Черниговским обл. управлением НКВД по обвинению в том, что "проводил организационную работу, направленную против мероприятий советской власти" и "являлся членом нелегальной контрреволюционной организации церковников Истинно-православная церковь". Был помещен в тюрьму в Чернигове.

14 августа направлен в Киев в распоряжение Управления госбезопасности НКВД УССР. На следствии не скрывал своих убеждений, категорически отверг обвинение в участии в контрреволюционных организациях.

15 февраля 1935 года особым совещанием при НКВД СССР приговорен к 3 годам ссылки в Северный край.

Первоначально отбывал ссылку в Архангельске. 3 марта 1936 г. был арестован в Архангельске по обвинению в том, что "нелегально возглавил Вятскую епархию православной церкви викторианской ориентации, нелегально руководил таковой через контрреволюционную группу церковников, давая им указания контрреволюционного характера". "Дело епископа Дамаскина (Цедрика). 1936 года".

В апреле направлен в распоряжение УНКВД по Кировскому краю. Отверг все предъявленные ему обвинения. Находясь в тюрьме в Кирове, написал развернутую объяснительную записку в особое совещание при НКВД СССР о "ненормальном положении верующих граждан СССР", в котором обвинил государственные органы в "неконституционных формах отношений к Церкви".

27 октября 1936 года особым совещанием при НКВД СССР архиерей был приговорен к 5 годам исправительно-трудовых лагерей.

С конца 1936 года отбывал срок в Бурминском отделении Карагандинского лагеря (Казахстан), работал бухгалтером.

13 августа 1937 году арестован в лагере по обвинению в "антисоветской агитации и организации нелегальных сборищ". Поводом для ареста стало празднование епископом Дамаскином и его союзниками Пасхи. Виновным себя не признал.

15 сентября 1937 года в 23 часа был расстрелян в Карагандинском лагере по приговору Особой тройки при УНКВД по Карагандинской области от 10 сентября 1937 года.

Погребен в неизвестной могиле.

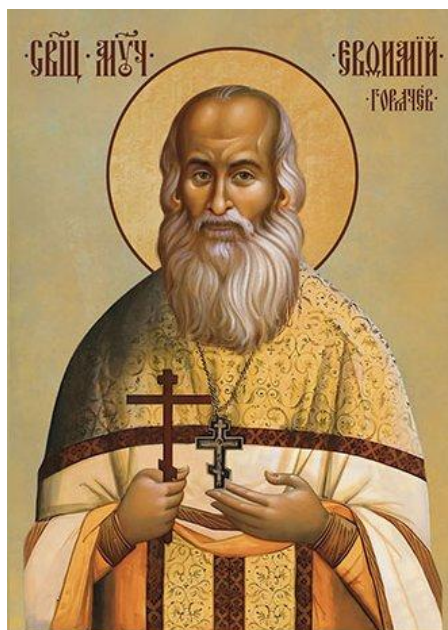
3 мая 1989 года был реабилитирован по 1936 году.

6 апреля 1990 года был реабилитирован прокуратурой города Караганды по 1937 году.

Причислен к лику святых новомучеников и исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года для общецерковного почитания.

По материалам сайта: <https://mitropolia.kz/september/472-damaskin-tsedrik.html>

Священномученик Евфимий Горячев, пресвитер

Сщмч. Евфимий Горячев родился в 1884 году в бедной крестьянской семье. Стал священником и служил в селах Красноярского края. В годы гонений стойко противостоял обновленцам, за что неоднократно арестовывался и провёл три года в лагере. После закрытия храма тайно совершал богослужения на дому. В 1936 году был вновь арестован за «антисоветскую агитацию» и отправлен в карагандинские лагеря. Расстрелян 15 сентября 1937 года. Причислен к лику святых в 2000 году.

Евфимий Никитич Горячев родился в селе Никольское-Барнуки Городищенского уезда Пензенской губернии 19 января 1884 года в бедной крестьянской семье. Ему было четыре года, когда умер отец, а вскоре после этого умерла и мать. Он был единственным мальчиком в семье и остался на попечении сестер.

В этом же селе жил его дядя Алексей Горячев с женой Александрой, крестной матерью Евфимия. У них было своих четыре сына, но они с радостью приняли мальчика в дом. Семья была богобоязненная, а Александра даже и среди своих православных односельчан отличалась глубокой религиозностью и рассудительностью. И местный священник советовал, бывало, кому-нибудь из прихожан, когда у тех возникали трудности в семье или с родственниками, или с близкими людьми, когда для правильного решения требовались опытность и рассудительность, пойти поговорить с Александрой.

У священника своих детей не было, и когда Евфимию исполнилось семь лет, он позвал Александру и сказал:

– Александра, отдай мне своего приемыша-крестника. Тебе тяжело. У тебя у самой четыре сына, а я его воспитаю.

Александра за это время полюбила кроткого сироту, который нравом был тих и послушен, но сочла, что дальнейшее воспитание в доме священника будет для мальчика полезней, – и согласилась.

Священник отдал учиться Евфимия в сельскую школу, а затем определил в двухклассную школу, которая в тот год была преобразована в семинарию. Живя в семье священника, Евфимий ничем не отличался от крестьянских детей – одевался, как и они, и так же, как и они, ходил в лапотках. Кто знает, – думал священник, – в каких обстоятельствах придется жить мальчику, не имеющему поддержки от родителей. Он считал, что юноше полезно с раннего возраста обучаться навыкам самостоятельной жизни. Учась в семинарии весьма прилежно, Евфимий уже сам зарабатывал, давая уроки в семьях, где родители были побогаче, а дети поленивей. По окончании семинарии Евфимий поступил учителем в школу села Архангельского. Здесь он проработал семь лет и совсем

обжился. Село было крестьянское, но в трех верстах от него была железнодорожная станция Чаадаевка, здесь жили семьи служащих, купцов и тех предпринимателей, которые легко находили в дореволюционной России применение своим талантам и трудолюбию. Образованной молодежи сходилось вечерами человек по восемнадцать. Евфимий Никитич, как человек веселый, общительный и к тому же хороший танцор, быстро стал душой местного общества. Здесь он едва не женился. После нескольких лет учительства Евфимия в эти места приехало семейство Поповых. Это были люди состоятельные, они построили лесопильный завод, имели в городе большой дом, капиталы в банке. При этом они были людьми глубоко религиозными и не пропускали ни одной праздничной или воскресной службы. И, пожалуй, больше, чем материальный достаток, они ценили духовную настроенность человека. И потому, познакомившись с местной молодежью, которая стала собираться у них в доме, пожелали свою единственную дочь отдать за Евфимия Никитича, человека хотя и бедного, но благонравного и верующего. Не против была и сама дочь, нравилась и она Евфимию. И местный священник, Александр Федоров, советовал Евфимию жениться на ней. И жена дяди, Александра, говорила: «Зачем упускать свое счастье – женись на ней». Но ее богатство и то, что за ней давали большое приданое, смущали его. Казалось бесчестным жениться на богатой невесте, не хотелось, чтобы люди поминали потом, что он из-за денег женился. Жалованья Евфимий получал тогда восемнадцать рублей, иных доходов у него не было, а этих денег только и хватало, чтобы прожить одному. И брак не состоялся.

Вскоре начальство предложило Евфимию перейти из Архангельской школы в Воскресенско-Лопуховскую, в двадцати пяти верстах от Пензы. Условия были выгодные: двадцать рублей жалованья и восемнадцать рублей пятьдесят копеек за уроки пения и управление церковным хором. В Архангельском вся квартира состояла из одной комнатки, а здесь предлагали пять комнат. По тем временам жалованье и условия были настолько хороши, что на эти средства уже можно было содержать семью. Поскольку жениться на дочери Поповых Евфимий отказался, то дядя с тетей советовали жениться на дочери Константина Кирьянова – Александре. Они торопили с женитьбой, так как считали небезопасным несемейное проживание молодого человека, которому приходится общаться на службе с молодыми женщинами, и очень опасались, как бы его кто не увлек.

Константина Владимировича Кирьянова Евфимий знал с раннего детства, и в чем-то судьбы их были похожи, отчего, может быть, они и любили друг друга. Константин воспитывался в семье своего деда, которого звали Кириан. Дед был строгим, но справедливым, и все сыновья и внуки беспрекословно его слушались. Константин был самым меньшим внуком. И вот когда старшие стали собираться в школу, Костя увязался за ними.

– Что это вы, ребенка привели? – спросил учитель.

– Я не ребенок, я буду учиться, – ответил Костя.

– Да ты же еще маленький учиться, тебе года два подождать надо, – возразил учитель, но все же решил оставить его – пусть попробует.

А Костя оказался на диво способным, быстро выучил алфавит и научился читать, затем стал писать по заданию учителя сочинения – и тоже исправно. Учитель решил записать его в число учеников и спросил:

– Ты чей? Как твоя фамилия? С кем ты живешь?

Дети загалдели вокруг:

– А это деда Кирьяна внук.

Так учитель и записал: «Кирьянов».

Крестьяне в тех местах небогаты, семьи большие и поставить всех детей на ноги нелегко, так что многим и не по силам было отдавать детей в школу. А Кирьяна внук, хотя мал годами, а грамоте был научен, и стали к нему ходить крестьяне с просьбами: «Костя, напиши прошение... Костя, напиши письмо...»

Дед ему в этих случаях всегда говорил:

– Костя, к тебе с просьбой пришли, садись за стол и помоги людям. Ты же знаешь, что творить добро – это самое главное дело в жизни.

Константин вырос, стал красивым молодым человеком, женился, работать устроился к богатому купцу Пилибину. И стал замечать купец, что Константин работящ и смекалист, а, главное, честен, что в торговых делах среди русских купцов до революции почиталось качеством наисущественнейшим: оно и деньги бережет, и за деньги его не купишь. И стал купец ему поручать ответственные торговые дела и большие суммы денег. И наконец отделил, чтобы Константин вел свое самостоятельное дело.

Евфимий Никитич вспоминал впоследствии:

«С дядей Костей Кирьяновым мы иногда у дяди встречались. Беседовали. Он выбился из страшной нужды, сам, собственными силами и только своей головой и умом. Видит, что и я из большой нужды встаю на прочную дорогу, настолько верную, что моя, пожалуй, выше и прочнее, чем его... И говорит однажды:

– Нет, Ефим Никитич, не говорите, а ваше богатство козырнее и прочнее. У меня в один момент может все пропасть, а у вас вечный кусок хлеба, вечное богатство!

– Ну уж и нашли богатство! Да я весь тут. И кроме того что со мной, у меня ничего нет!

– Что ж? Вы сами-то весь золото. Если нас с вами поставить на чаши весов, то вы один меня перетянете со всей моей требухой, то есть с моим богатством!»

Уговоренный родственниками, Евфимий поехал посмотреть свою будущую невесту, Александру. Увидел, что нисколько она его не любит и навряд ли полюбит, не такого ей надо. И роем поднялись мысли: «Хоть ты и обещался дяде с тетей и Константину Владимировичу, не смущайся этим! Беги! Ведь на всю жизнь хочешь связать себя. Лучше какой угодно скандал, но не связывай себя на всю жизнь. Много будешь страдать, это только начало!»

После отъезда Евфимия Константин Владимирович дочери бесповоротно сказал:

– Мое отцовское желание – я тебя замуж отдам только за него.

– Папочка, лучше я умру, но не пойду за него!

– Это отцовская воля! Пойдешь!

– Не пойду!

Не стал отец ее убеждать – время само убедит. А если не время, то вожжи.

Через несколько месяцев пришла пора окончательно решать, но Александра никак не хотела выходить за Евфимия. Было ей тогда всего лишь пятнадцать лет, она считала себя красавицей, была избалована и выйти замуж за нелюбимого человека, не красавца и небогатого, казалось ей настоящей каторгой. Упала она перед отцом на колени и стала упрашивать, чтобы он не выдавал ее за Евфимия. Константин принес вожжи, с силой ударил дочь несколько раз, она закричала:

– За кого хочешь отдай, только не бей!

Александра несколько месяцев не хватало до шестнадцати лет. Написали прошение архиерею, тот благословил совершить венчание, и 9 февраля 1909 года их повенчали. Размолвки между ними начались сразу. Теперь, став женой нелюбимого человека, она, как в отместку, не только ему это показывала, но и окружающим. Если шли в гости, то Александра старалась сесть за стол рядом с кем-нибудь, только не с мужем. Если возвращались из гостей, то садилась в повозку или в сани с кем-нибудь – с мужчиной или с женщиной, безразлично, но только не с мужем. Люди это, конечно, видели, и для самолюбия Евфимия такие уколы были весьма чувствительны. И ничего нельзя было сделать, только терпеть, и Евфимий терпел. Александра не любила своего мужа, но в супружестве была ему верна, и когда появились дети, полюбила их со всей беззаветностью материнской любви. Единственный, пожалуй, недостаток в ней, который тревожил Евфимия, была ее неглубокая вера: никогда он не видел ее молящейся со слезами или так, чтобы она обо всем, кроме молитвы, забыла.

Между тем среди молодежи начинали затеваться сходки и кружки, пошли разговоры о социализме, выказывалось все большее недовольство монархическим строем, от сытости

жизни и благополучия многим хотелось перемен, хотя бы и революционных. Но главное, что происходило тогда среди образованной молодежи, – это обмеление душ, угасание тяги к духовному, а отсюда невосприимчивость церковных обрядов, непонимание их. С беспокойством смотрел на это священник, воспитатель Евфимия.

Знал, как легко увлекает приятельская молодежная среда на путь заблуждений, вся прелесть которых в неиспробованности их. И он решил поговорить с Евфимием.

– Мое последнее великое желание, чтобы ты выбрал духовный путь, стал священником, – заключил он беседу.

Евфимий согласился, и в 1911 году поступил на пастырские курсы в Москве. Проучился он девять месяцев, и в марте 1912 года был рукоположен в сан священника с назначением в сибирское село Ново-Новоселово.

С трепетом сердечным ехал о. Евфимий в родное село молодым батюшкой, страшась уронить себя, растерять ту божественную благодать, которую он получил в таинстве священства. Уже он отчетливо ощущал, что теперь он не простой человек, а Божий слугитель.

Сразу же по приезде в Барнуки пришлось быть на свадьбе у родственников, и здесь Александра снова при гостях показала, что нисколько не любит и не уважает своего мужа, хотя теперь и священника.

Тяготы домашней жизни и непонимание женой были как бы червоточиной в сердце, постоянной болью, но он старался преодолеть это в себе, для чего быть прежде всего священником. Причем открылись в нем большие проповеднические дарования, так что крестьяне за сто верст приглашали его, снаряжали подводу и привозили, чтобы только послушать.

Начав служить, о. Евфимий, сам выросший в бедности, не мог смотреть равнодушно и на чужую нужду. И за требы, если крестьяне были бедны, никогда ничего не брал. Поначалу весь доход его был – принесет кто из крестьян крынку молока или немного яиц, но и это домашним приходилось утаивать от него, а если узнает, то обязательно скажет:

– Зачем же вы взяли? У них у самих нужда!

Если видел кого нуждающимся, да еще если семья потеряла кормильца, то в этом случае он отдавал и свое последнее. Очень скоро он и его семья стали испытывать большую нужду. Но о. Евфимий не унывал, добывая средства к жизни наравне со своими прихожанами крестьянским трудом.

Прослужив пять лет в селе Ново-Новоселово, о. Евфимий 11 марта 1917 года был назначен в Никольскую церковь села Большой Улуй. Здесь, в Красноярском крае, вблизи города Ачинска, прошла почти вся его священническая жизнь. Прихожане любили о. Евфимия за бескорыстие, за его верность Богу и Православной Церкви и за проповеди, которые он говорил не заученными раз и навсегда словами, но из глубины сердца, прилагая к произносимому свой духовный опыт. Когда перед исповедью он говорил проповедь о покаянии, о его благодатных дарах, о грехах, отдаляющих человека от Бога, то прихожане становились на колени, и многие, не стыдясь, плакали вслух, сокрушаясь о своих грехах.

5 ноября 1917 года состоялось собрание прихожан одного из благочиний Ачинского уезда, на котором о. Евфимий был избран благочинным. Этот год был началом всероссийской смуты. Смерть могла войти в каждый дом.

«В начале 1919 года, – вспоминал о. Евфимий, – стали расползаться слухи, втихомолку сначала и более смело и настойчиво потом, что между Ачинском и Большим Улуем оперирует какая-то группа, банда, отряд и т. п. Этот отряд многих едущих в Ачинск или оттуда не пропускает, некоторых грабят, а некоторых и убивают. Базой этого отряда называли деревню Лапшиху. Потом все чаще и чаще в устах народа стала раздаваться фамилия Щетинкина как начальника отряда, оперирующего в нашем районе, но еще не бывавшего в Большом Улуе. В конце января или в начале февраля один из граждан села Ново-Еловского привез мне записку, в которой говорилось, что их священник Владимир Фокин взят неизвестными людьми и отвезен в деревню Лодочную[1]. В это же время или

немного позднее донесли до меня весть о том, что убит кем-то и еще один священник моего благочиния – священник села Петровского Михаил Каргополов, бывший до принятия сана священника офицером казачьих войск[2].

В это время некоторые из священников переехали в город Ачинск, в некоторых приходах не было священников, некоторые священники не ночевали у себя дома, а у кого-либо из своих прихожан. Проснувшись однажды утром, я узнал, что наше село Большой Улуй занял со своим отрядом Щетинкин и мы находимся в его власти. Многие из моих прихожан предостерегали меня, чтобы я поберегся – не ездил бы в другие приходы с требованиями, не выходил бы ночью и т.п. Но я продолжал жить обыкновенной жизнью. Выпадов от лиц отряда Щетинкина против меня тогда как будто не было, по крайней мере, я ничего такого не слышал. Приходилось мне сталкиваться как с представителями отряда Щетинкина, так и с ним самим. Однажды был такой случай. Дело было зимой перед масленицей. За мной приехал на лошади крестьянин нашего села Алексей Киселев и сказал мне, что меня требует Щетинкин. Семейные мои ударились в слезы. Я сейчас же собрался и поехал. Привез он меня в дом местного жителя Тихонова.

Полон дом был членами отряда Щетинкина. Меня провели в другую комнату. Здесь сидели в два ряда соратники Щетинкина с винтовками и штыками на них. Между ними был прямой проход к передней стене, где за столом, как я догадался, сидел сам Щетинкин. Он пригласил меня сесть, и у нас с ним произошел следующий разговор:

– А на вас, батя, жалоба!

– В чем дело?

– Вы отказались повенчать сына одного гражданина Красновского прихода.

– Раз отказался, то значит была причина к этому. Или жениху не доставало лет до определенного возраста, или у него нет надлежащих документов.

– Нет, у него документы есть, но от нотариуса, а вы требуете метрику.

Я припомнил данную просьбу ко мне и сказал:

– Я его по нотариальным документам повенчать не могу.

– Но почему же? Я сам венчался по нотариальным документам!

– В подтверждение ваших слов могу добавить, и я венчался и венчаю по таким же документам, но этого гражданина повенчать не могу!

– Почему?

– По нотариальным документам можно повенчать только лиц, родившихся в России или вообще в отдаленных местах, указанный же гражданин рожден здесь и крещен в Красновской церкви. Нам же известно, как составляются нотариальные акты. Поехал, допустим, гражданин в город на базар. Берет там первого попавшегося знакомого, поит его водкой и просит его пойти к нотариусу и засвидетельствовать, что его сыну девятнадцать лет. Тот, не зная сына этого и ни разу не видя его, идет к нотариусу, и они пишут надлежащий акт. Вот вам и документ. А нашего брата, попа, потом тянут, ибо устанавливается, что повенчанному всего лишь шестнадцать лет. Когда субъект не здесь рожден, то я не отвечаю. Если же он рожден здесь, то отвечаю я за неосторожность и отвечаю довольно серьезно перед своим начальством.

Щетинкин рассмеялся.

– А ведь ты, батя, правду говоришь, я сам знаю случаи, когда ваш брат венчает чуть ли не двенадцатилетних по этим документам. Но как же быть? Ведь вы знаете, что в Красновой нет ни попа, ни псаломщика, кто же там напишет метрику?

– Я давал записку к церковному старосте, в которой просил его отпустить из церковного архива метрическую книгу за такой-то год, но жалобщик, очевидно, не нашел нужным сделать так, как я ему предлагал, а предпочел обратиться с жалобой к вам.

– Как же, батя, быть? Хочется удовлетворить мужика. А что, если я вас, батя, попрошу повенчать по имеющимся документам?

– А я вас, Петр Ефимович, прошу не просить меня об этом. Что же будет, если я вас буду просить о делах, касающихся ваших дел, а вы меня будете просить о моих поповских делах? Получится одна путаница.

Щетинкин снова рассмеялся.

– Эка ты, батя, какой несговорчивый. Ну, а если я сам напишу эту метрику, когда буду в Красновой?

– А я вам дам бланк для этой метрики, и когда вы ее напишите, то как вы не поп и не псаломщик, то пусть эту метрику подпишет еще кто-либо, что она с подлинником верна.

– Ладно, так и решим! Эй, дядя, собирайся сейчас с нами, и я тебе выдам нужную метрику! До свидания, батя!

Метрика вскоре была прислана и брак повенчан. В другой раз меня водили к Щетинкину за то, что я отказался повенчать брак из другого прихода на масленой неделе, ибо в эти дни по уставу Церкви браковенчать нельзя. Щетинкин, разобравшись в этом деле, со смехом сказал жалобщикам:

– Слушайте, братцы, я ведь не архиерей, как же я могу впутываться в эти дела?

В следующий раз Щетинкин на сходке просил моих прихожан, чтобы они отпустили меня с ним в село Краснове, чтобы я там послужил неделю для красновских постников. Но мои прихожане меня не отпустили: «У тебя, Петр Ефимович, ребята озорные. Взять-то ты у нас попа возьмешь, а вернешь ли его обратно?» Щетинкин на это рассмеялся и меня в Краснове не взял.

Но вот с первых недель Великого поста поползли слухи, конечно, шепотом, что из города Енисейска идет какой-то казачий карательный отряд, который уничтожает большевиков и все предает огню и мечу. У меня был тесть, приехавший из России. Однажды вечером он выходит из кабинета и говорит:

– А что-то неладное. Выскочили из переулка какие-то люди и направились сюда, к церкви. Они что-то тащили за собой на санках. Оглянулись боязливо по направлению к волости и пошли туда, а один направился как будто к нашим воротам.

В это время отворилась дверь и вошел незнакомый человек.

– Здесь есть красные?

– Нет, кажется, нет.

– Давно они ушли?

– Не знаю!

– Мы казаки карательного отряда. Преследуем красных вообще, и, в частности, отряд Щетинкина. Вы священник местный?

– Да.

– Командующий отрядом распорядился, чтобы в вашем доме для него и его штаба была квартира. Приготовьтесь!

– Возражать против этого, конечно, не приходится, но я бы просил, нельзя ли вам занять другой дом, более поместительный? У меня пятеро ребятишек, все они очень малы, вы их у меня затопчете.

– Ладно, скажу об этом полковнику, но вы, может быть, пойдете и покажете мне более поместительные дома.

Я собрался и, выйдя на улицу, показал ему на здание волости и дом Климовского, куда он и направился.

В это время на улицах было уже очень много казаков. Походив около своего дома, я направился к зданию волости и дому Климовского, которые были расположены через дорогу друг от друга. Казаки толпились больше около дома Климовского. Я вошел в дом, там было много казаков, и в особенности, судя по виду, казачьих офицеров. За это время стемнело. Потолкавшись в толпе, я направился домой. По пути я встретил жителя села Новоселова Черемнова, который был избран заместителем председателя волисполкома при Щетинкине. Он стал просить меня, чтобы я заступился за него, если к тому представится случай, перед казачьим начальством. Я это ему обещал, даже высказал ему уверенность,

что его, Черемнова, ничто худое не ожидает, ибо он был, как мне было известно, на очень хорошем счету у населения. Придя домой, я увидел, что моя квартира полна казаками, их командным составом во главе с полковником, и посторонним народом. Полковник был в верхней одежде, увидев меня, он пошел ко мне навстречу.

– Вы, батюшка, вероятно, хозяин здесь? Мы извиняемся, что наделали вам беспокойств своим присутствием или, вернее, вторжением, но видя, что у вас нам и вам при нас будет не совсем удобно, мы решили перекочевать в другую квартиру.

Я ненадолго остановил его и тут же попросил его быть снисходительнее к населению вообще и к виновным в частности. В особенности стал просить за гражданина Черемнова, указавши на то, что он пользуется уважением и симпатиями населения и, по моему мнению, вряд ли способен на что-либо дурное. Полковник успокоил меня, сказав, что во всем разберется и невиновные не пострадают за эту ночь. С этими словами он удалился, а вместе с ним удалились все посторонние. Остались одни мои семейные. Но мне не терпелось. Я снова оделся и пошел в дом Климовского, где, как я и предполагал, остановились штаб и полковник. Там было полно народа. Я протискался в дом, а потом вместе с другими в верхний этаж дома, где, как потом я узнал, уже началась расправа. Входя по лестнице в верхний этаж, я услышал громкий ужасный крик. Только что я отворил дверь, как услышал:

– Да меня вот и батюшка хорошо знает! – Это говорил житель деревни Баженовки Григорий Кириллович.

Ко мне обратился казак, стоящий около него, с вопросом, действительно ли я знаю этого гражданина и с какой стороны. В это время Григория Кирилловича потребовали к полковнику в другую комнату, куда вместе с ним направился и я. Я сказал полковнику, что Григорий Кириллович мне хорошо известен, имеет большую семью, ни в чем предосудительном не был замечен, но ввиду того, что на войне был фельдшером, Щетинкин мобилизационным порядком принудил стать фельдшером в его отряде.

– В чем его вина? – спросил полковник.

– Мы сейчас встретили его на дороге. Он ехал в Улуй. Мы его окликнули. Он нам ответил: «Свой, товарищи!» – Мы его и привели сюда.

– Отпустите, пусть идет, куда хочет, а ты молись Богу за батюшку, если бы не он, то получил бы и ты горяченьких.

В это время ввели двоих ребят лет по двадцати, моих прихожан из деревни Сучковой. Я сейчас же вступился за них, говоря, что их хорошо знаю, это хорошие ребята и т.д. Но полковник не дал мне договорить:

– Батюшка, не будем мешать друг другу. Вам, поверьте, не место здесь, лучше будет, если вы пойдете домой!

Не успел он это проговорить, как я оказался не то выведенным, не то вытесненным за дверь, за которой вскоре раздались снова крики и вопли. Я постоял. Рванул дверь, но ее, очевидно, держали. Снова постоял. Сбежал в нижний этаж и, не заходя в комнаты нижнего этажа, поплелся тихо к себе домой.

Не помню, спал ли я эту ночь. Рано утром, до солнечного восхода, я снова отправился к дому Климовского. Между домом Климовского и зданием волисполкома начинается ров и по нему дорога на реку Чулым. Почти на дороге лежали два трупа, раздетые и растрепанные. Один выше, на покатой стороне рва, другой ниже, в самом рву. Около верхнего стояла и хрюкала свинья. Вдруг эта свинья схватила зубами за плечо труп и начала трясти головой и рвать его зубами. У меня от этой картины буквально как бы перевернулись все внутренности. Я бросился в дом Климовского в надежде выпросить у полковника позволение убрать трупы. Но у дома Климовского мне сказали, что полковник и его штаб перешли ночью на другую квартиру. Я направился туда, но там мне сказали, что полковник спит. Я заметался по улице, пробежав торопливо к своему дому и обратно к квартире штаба несколько раз. В это время я заметил еще один растерзанный труп неизвестного мне человека. Я снова бросился к полковнику. Он встал и умывался. Я выпросил у него

позволение убрать и похоронить трупы и спросил, что же ожидает село и его жителей? Он ответил:

– А ваш Улуй я сотру с лица земли. Весь выжгу, а население расстреляю, по крайней мере каждого десятого, считая баб и ребятишек!

– В таком случае, я надеюсь, что вы не откажете в моей просьбе начать выжигать село с моей квартиры, а при расстреле начать с меня, десятой расстрелять мою жену, двадцатым – моего первого ребенка, тридцатым – второго и так далее до последнего!

– У меня нет, правда, ясных доказательств вашей виновности. Ваш дом и ваше семейство будут из общего числа исключены!

– Полковник, подумайте, что вы говорите! А разве у вас имеются ясные доказательства виновности каждого ребенка, каждой женщины, каждого жителя?

– А! Пустая трава из поля вон!

Полковник умылся и сел пить чай. Я же за это время страшно разнервничался. Плакал, умолял пощадить граждан, лучше расстрелять меня и мою семью. Ползал на коленях. Полковник сначала шутил, потом начал успокаивать меня, приглашал пить с ним чай, плюнуть на все. В этот же день был собран сход жителей села Большой Улуй. Офицер штаба сказал им:

– Я не знаю, что предпримет полковник для того, чтобы наказать вас, но думаю, что вам мало не будет.

Я вызвался снова просить полковника за жителей. Снова побежал к нему. Полковник был уже в умиротворенном настроении и обещал мне, что больше никаких репрессий по отношению к большеулуйцам не будет, что и исполнил».

Время было страшное, беспощадное. В тех же местах неподалеку от села Бирилуссы служил священник Трофим Кузнецов. Однажды в январе в село въехал отряд красных; расспросив, где дом священника, красноармейцы направились прямо к нему; вошли в горницу и, ничего не объясняя, приказали:

– Ну, отец, давай собирайся. Пошли.

Священник оделся, они усадили его на телегу и увезли из села. Наутро выяснилось, что палачи привезли о. Трофима на кладбище, привязали к березе и затем каждый выстрелил в него.

Однажды вооруженный отряд стал обстреливать Большой Улуй, стреляли так сильно, что кое-какие дома начали загораться. Матушка Александра собрала детей и спустилась с ними в подпол, а о. Евфимий сказал:

– Я иду в храм.

За ним увязалась старшая дочь Антонина, схватилась за рясу, не отпускает. Пришлось идти вместе. Пожар был местами уже столь силен, что у о. Евфимия от жара вспыхивали волосы на голове.

Отец Евфимий вошел в храм, прошел в алтарь, открыл Царские врата и начал молиться. Только двое было их в храме: священник у престола и ребенок на коленях перед алтарем. Девочка плакала и просила Бога их всех пожалеть. Отец Евфимий говорил впоследствии: «Это детская молитва спасла село».

В Сибирь советская власть пришла в 1922 году, и вместе с нею пришло обновленчество. За сопротивление живоглавному о. Евфимий обновленческим УЦУ (Уездное Церковное Управление) 21 ноября 1922 года был отстранен от должности благочинного. Созванный тогда съезд священников и прихожан благочиния постановил оставить его в этой должности, но о. Евфимий отказался, поскольку часть приходов и духовенства перешла в обновленчество, а он продолжал служить по-старому, не обращая внимания на распоряжения обновленческого УЦУ. Тогда обновленцы решили применить к о. Евфимию меры церковно-дисциплинарные. Постановлением Ачинского УЦЕС (Уездный Церковный Епархиальный Совет) от 20 июля 1923 года и резолюцией Красноярского ГУБЦЕС (Губернский Церковный Епархиальный Совет) он был уволен заштат и запрещен в священнослужении. Но о. Евфимий продолжал служить как служил. Тогда обновленцы

обратились к гражданской власти. Распоряжением ГУБЦЕС и резолюцией обновленческого архиепископа Георгия Жука о. Евфимий назначен был к высылке из пределов Ачинского округа. Обновленцы ждали, что власти арестуют непокорного православного священника, но этого не произошло, и тогда 25 января 1924 года протоколом ЕЦС (Епархиальный Церковный Совет) о. Евфимий за сопротивление обновленчеству был лишен священнического сана. Но он продолжал служить, не обращая внимания на угрозы и прощения. Обновленцы, однако, не оставили попыток изгнать православного священника, и в конце концов в августе 1924 года он был арестован и заключен в Ачинскую тюрьму, где пробыл месяц, а затем отправлен в тюрьму при Красноярском ГПУ, где пробыл два месяца. Возвратился о. Евфимий в село Большой Улуй в начале декабря. В его храме служил обновленец, и все храмы в округе были захвачены обновленцами, и о. Евфимию служить было негде.

Весной 1925 года в Красноярск прибыл православный архиерей, епископ Красноярский и Енисейский Амфилохий (Скворцов). В апреле о. Евфимий приехал к нему, и владыка благословил его служить, где представится к тому возможность. А прихожанам Большого Улуя велел объявить, что о. Евфимий имеет благословение законного православного архиерея служить в храме службу Божию.

Известия о прибытии в Красноярск православного архиерея, о его благословении, данном о. Евфимию, дошли до прихожан Большого Улуя, и они принудили обновленца покинуть село. В Великий Четверг 1925 года о. Евфимий стал служить в прежнем храме настоятелем. К июню все четырнадцать церквей благочиния вернулись в православие. 21 января 1926 года состоялось собрание благочиния, на котором прихожане вновь избрали о. Евфимия благочинным. 23 июня епископ Амфилохий утвердил выбор церковного народа.

Обновленчество, хотя и было потеснено, но, энергично поддерживаемое властями, не исчезло, бороться с ним православные могли только словом, и епископ стал посылать настоятелями соборов больших городов епархии исповедников православия. Стойкость о. Евфимия, его верность Православной Церкви в условиях гонения, личная беседа с ним убедили архиерея назначить о. Евфимия настоятелем городского собора. 26 июня 1926 года епископ перевел его в Троицкий собор города Ачинска.

После смерти Патриарха Тихона и ареста Местоблюстителя митрополита Крутицкого Петра возник григорианский ВВЦС (Высший Временный Церковный Совет), претендовавший административно возглавить Церковь. Ачинское благочиние и церковный совет Свято-Троицкого собора просили о. Евфимия и старосту собора Сергея Митрофановича Байнова выяснить, насколько каноничны данные претензии ВВЦС на управление Церковью. В ноябре 1927 года они выехали в Москву. Прежде всего они посетили митрополита Агафангела (Преображенского) в Ярославле, затем дважды побывали в Москве у митрополита Сергия (Страгородского), трижды встречались с епископом Звенигородским Филиппом (Гумилевским) и, наконец, присутствовали в качестве гостей на четырех заседаниях григориан, проходивших в Донском монастыре. Суждение, вынесенное о. Евфимием о григорианстве, было вполне однозначно, но спутник его мыслил иначе, предполагая, что соборная община может приобрести множество благ от признания ВВЦС.

Отец Евфимий подробно объяснил ему, что ВВЦС неканоничен, что единственная цель этого административного новообразования – внести разлад в Церковь, и делается это с согласия безбожных властей, потому что некоторые епископы пытаются служить и советской власти, и Богу.

– А в старой Церкви были офицеры и дворянство, которые вовсе не верили в Бога, – неожиданно возразил Байнов, полагая, вероятно, что наличие в дореволюционной России неверующих и маловерующих людей, которые, однако, посещали храм, вполне оправдывает любое сотрудничество епископов с безбожной властью.

– Но старая власть, – возразил о. Евфимий, – не гнала Церковь, как нынешняя советская, а я буду всегда на стороне такой власти и таких людей, которые дают свободно веровать.

После их возвращения в Ачинск было созвано приходское собрание. На нем выступили Байнов (он предложил общине признать ВВЦС) и о. Евфимий, который подробно объяснил, почему этого делать нельзя. Община собора отказалась признать ВВЦС, а за ней и все храмы благочиния.

В 1929 году гонения на Церковь, не затихавшие вполне и раньше, резко усилились. Воинствующее безбожие действовало всеобъемлюще, спеша погрузить все стороны земного бытия человека в свою ужасающе гнетущую, безблагодатную атмосферу, иногда действуя с помощью демонстрации ошеломляющего душу бесстыдства. Не раз, бывало, в те годы матери задерживали занавески на окнах и, бросаясь к детям, говорили: «Не выглядывайте на улицу, не смотрите!» В это время совершенно голые мужчина и женщина, нацепив кумачовые полосы с надписью «Долой стыд и совесть!» шли по улицам Ачинска. И так ходили в течение нескольких дней. Для небольшого сибирского городка явление невиданное, верующими оно воспринималось как предвозвестие прихода антихриста. В 1929 году власти попытались сбросить колокола с Троицкого собора, но прихожане не дали. Люди густо устелили землю своими телами, заняв все пространство внутри церковной ограды. Безбожники на время отступили.

Гонения обрушились на священника. Власти отобрали дом. После долгих поисков семья нашла в глухом конце города баню, и в ней поселились о. Евфимий с женой и семеро детей. Вещи и домашний скarb – все к этому времени было властями отобрано. Вместо постели сшили мешки, наполнили их соломой, получился большой матрас, на нем все дети и спали. В углу стоял маленький столик, в предбаннике были сложены дрова.

30 ноября 1929 года о. Евфимия арестовали. Жена была в отчаянии. Муж был кормильцем, а теперь она осталась одна, никто из детей не работал, а их было семеро. Они остались почти буквально в холоде, голоде и наготе. Отчаяние было такое, что Александре не раз приходила в голову мысль затопить печь, закрыть ее с головешками, чтобы разом и себя, и детей уморить и не мучиться.

Но Господь их не оставил, прихожане после ареста о. Евфимия стали приносить продукты, и их хватало для семьи и для передач в тюрьму.

Старшая дочь Антонина пошла навестить отца. Подошла к тюрьме. У ворот часовой с винтовкой, на улицу выходят тюремные окна, полуподвальные, но конвоир к ним близко не подпускает.

– Иди, девочка, отсюда!

– Пожалуйста, скажите, где мой папа? Я хочу только голос его услышать. Скажите, какое окошко?

– Иди, девочка, отсюда, – повторил конвоир, – нам не велено разговаривать. Иди отсюда!

– А почему вам не велено разговаривать? – спросила девочка.

– Потому что я на посту.

– Может быть, вам нужно кого-нибудь убить, то вы меня убейте, а папу не убивайте. Пожалуйста, отпустите его! – И нагнувшись поближе к окошкам, крикнула: – Папочка!

Оказалось, о. Евфимий был совсем близко. Он услышал и ясно, внятно сказал:

– Подальше отойди от окна, а не то не этот конвоир, так еще кто-нибудь выстрелит.

– Папочка, скажи мне что-нибудь, – попросила девочка.

– Вы хоть что-нибудь ели сегодня? Что вы сегодня ели? – спросил он.

– Папочка, да мы и тебе принесли, – отвечала она.

Начались тяжелые допросы в тюрьме. Отца Евфимия обвиняли в том, что он, «не являясь сторонником советской власти, вел систематическую антисоветскую агитацию», говорил прихожанам, что «советская власть заставляет отречься от Бога и от Церкви». Следователи в обвинительном заключении писали, что о. Евфимий «не только не любит власти, ее мероприятий и коммунистов вообще в настоящее время, но в прошлом, в период колчаковской реакции, вел с ними активную борьбу путем выдачи партизан и сочувствовавших советской власти лиц карательному отряду Колчака».

Отец Евфимий пространно ответил на все обвинения и все их отвел. Заканчивая свои объяснения, он написал: «Всякого, кто хотел бы утверждать и говорить, что у меня еще были какие-либо сношения с представителями или участниками колчаковской реакции, я считаю и называю лжецом и те слова и донесения ложью. Если бы мне пришлось и погибнуть, я погиб бы с мыслью, что никому и никогда намеренно не сделал зла».

Были вызваны свидетели, показания которых лишь подтвердили невинность о. Евфимия. Был вызван друг о. Евфимия священник Никита Сторожев. На вопросы следователя о. Никита ответил немногословно:

– Мы вели разговоры преимущественно о пасажах. За этими разговорами также вели разговоры и о жизни. Говорили, в частности, и о налогах. О том, что налоги непосильные...

После заключения о. Евфимия в тюрьму к нему в камеру посадили осведомителя Александра Агафонова, который стал убеждать священника отказаться от сана.

– Многие священники сейчас, – говорил он, – работают бухгалтерами, секретарями...

На его доводы о. Евфимий ответил:

– Бросить священство – никогда не брошу! Служу я по убеждению. Может быть, будет время, когда нас будут возить под соломой, под назымом, чтобы совершать службы в подвалах или даже ямах, и тогда я не брошу служить. Советская власть преследует христианство. Христианство останется. Возможно, останутся только одни сильные, которые сумеют возродить христианство. Были в древности такие периоды, когда христиан сжигали, но несмотря на это, в катакомбах, в подвалах христиане остались, и христианство восторжествовало.

– Сейчас вырастет молодое поколение, и оно бросит заниматься религией, – заметил Агафонов.

– Ребенок с молоком матери впитает в себя идеи христианства, – возразил о. Евфимий.

23 февраля 1930 года Особое Совещание при ОГПУ постановило заключить о. Евфимия на три года в сибирский концлагерь. Условия в концлагере были таковы, что вышел оттуда о. Евфимий едва живым.

Когда он вернулся, жена его написала старшей дочери Антонине: «Еще один нахлебник приехал».

Для дочери было настолько прискорбно прочитать эти слова, что она заболела и попала в больницу. Но мысль о том, что отец где-то рядом и у него, может быть, нет пропитания на сегодняшний день, не давала покоя. И, не долечившись, она выпросилась из больницы, чтобы идти просить помощи у своего начальника-управляющего. Он в прошлом был красным партизаном, и ничего хорошего она от него не ждала, тем более теперь, когда все знали, что ее отец-священник вернулся из лагеря. Всю дорогу Антонина усердно молилась, и когда вошла в кабинет, он, не дожидаясь просьб ее, сказал:

– Мы вам муки дадим двадцать килограмм, вам отвезут ее на станцию, вы ни о чем не беспокойтесь.

Антонина смотрела на него, и словно тот же был перед ней, и словно другой, святой, человек. Не того она ожидала. Это был 1933 год, когда и она голодала, и люди тысячами умирали от голода. Погрузили мешок, привезли, донесла она его до баньки, где жил отец-священник с семьей, и остановилась в сенцах, не решаясь войти. Отец Евфимий услышал, будто вошел кто, а дальше не идет, вышел взглянуть. Дочь упала перед ним на колени и стала за себя и за мать просить прощения:

– Папочка, прости! Прости! Прости!

Отец Евфимий наклонился, поцеловал ее в голову и сказал:

– Только я один во всем виноват, никто из вас ни в чем не виноват. Встань, ради Бога, не могу видеть тебя на коленях. Все страдания из-за меня, и вам приходится из-за меня терпеть.

Антонина встала. Ребятишки, голодные, как галчата, глядят, обнялись отец с дочерью, плачут. В это время вошла матушка Александра – она ходила чашку отрубей выпросить и вернулась ни с чем.

– Мама, вот мука, не ищи нигде ничего. Никто у тебя не нахлебник. Это всё вам – ешьте, ради Бога.

И так, милостью Божией, дочь их поддерживала.

Собор в Ачинске был закрыт, и пришлось искать другого места. Прихожане скрипачниковской церкви позвали служить к ним. Переехали, и с 16 января 1933 года о. Евфимий начал служить. Но недолго он прослужил. В апреле храм в Скрипачниковском был властями закрыт. Для о. Евфимия и его семьи наступили тяжелые дни. «Ужасное время было, что и говорить! – писал он позже в письме к дочери. – Недаром, уходя оттуда (из Скрипачниковского. – И. Д.), я просил Бога: «Господи, не допусти меня скоро возвращаться! Пошли мне смерть, но не допусти возвратиться!» Ужас был полный! Тут ребяташки мрут с голоду, а тут я еще объедаю их! Тут я был виноват – что я не плотник, не кузнец, не чернорабочий... Доказывая всю мою ненужность, матушка говорила и то, что Женю (старшего сына, которому было в то время семнадцать лет. – И. Д.) выгонят (с работы. – И. Д.) из-за меня, что Женя ворчит и не знает, как отделиться от меня. Одним словом, ужаснее ужасного!!!»

Чтобы не обременять семью, о. Евфимий решил на время уйти. Зима, самые морозы. Он собрал все свои пожитки – столярный инструмент (все железо и дерево) – это все нужное и оставлять нельзя. Поклажи набралось два мешка, не менее трех пудов. Попробовал поднять – тяжело, не дойти с ними до Ачинска. Но с Женей, сыном, попрощался еще утром, когда тот уходил на работу. Если еще остаться, то сын придет домой обедать, увидит, что отец еще не ушел, и будет недоволен. Простился с женой, с младшими детьми – никто не удержал, не попросил остаться, а как на то он надеялся, ведь никак ему с такой поклажей не дойти по лютому морозу до города. Взвалил о. Евфимий мешки перевязкой на плечи и вышел. Прошел версту, а казалось, десять – так тяжело, и все оглядывался: не выйдет ли кто из домашних, не позовет ли вернуться? Уже и сын должен прийти, сядет обедать, узнает, что он только что вышел, примется догонять, вернет, ведь такая на дворе непогода. Так прошел о. Евфимий пять верст – и все оглядывался. Но никто не бежал его возвращать, пустая дорога, ни впереди никого, ни позади. Да и кто теперь пойдет пешком под ночь. Так он дошел до первой деревни.

Смеркалось. Надо бы зайти заночевать, но не было денег, нечем было заплатить за ночлег, и он, миновав деревню, отправился дальше. Наступила ночь, мороз с каждым часом становился сильнее, а сил двигаться дальше все меньше. Без отдыха мог пройти полверсты. Пока шел – изнемогал от напряжения, весь становился мокрым, а когда садился отдохнуть – мороз моментально проникал сквозь ветхий пиджачишко, пронизывая насквозь. Не доходя до Ачинска верст десять, изнемог окончательно. Твори, Бог, волю Свою, нет сил идти. Посидел минут пять. Слышит, едет кто-то. Смотрит – по дороге в Ачинск едет мужик вразнопряжку порожняком. А у о. Евфимия нет сил встать навстречу. Проехал было, но остановился, спрашивает:

– Кто сидит?

– Человек.

– Чего сидишь?

– Идти не могу.

– Замерзнешь!

– Наверное.

– Давай десять рублей! Довезу! – подошел.

– Если бы у меня был рубль, я сейчас зашел бы в Малый Улуй на станцию и доехал бы до Ачинска, но у меня и рубля нет.

– А кто ты?

– Бывший соборный поп.

– Как же ты очутился в таком положении?

А ему уже и разговаривать лень и ко сну клонит. Тот постоял, постоял и говорит:

– Ну, садись вот на заднего коня.

А батюшка уже и подняться не может. Мужик посадил его, положил мешки в сани и понесся вскачь. Удивительно, что о. Евфимий не только не хворал после этого, но и не обморозился, а мороз был жестокий.

Все церкви в округе закрыли, негде стало служить. В мае 1934 года прихожане Покровской церкви дальнего села Бея выпросили у архиепископа Ачинского и Минусинского Дионисия (Прозоровского) о. Евфимия, чтобы служил у них.

Мужики сами перевезли о. Евфимия и его семью в Бею, и он начал служить; вскоре архиерей назначил его благочинным 5-го округа Минусинского викариатства. Преследования начались сразу же после приезда в Бею, хотя теперь о. Евфимий говорил проповеди редко, хорошо зная, насколько превратно и пристрастно понимают его слова агенты власти. Во всех проповедях старался держаться строго духа церковности. Взрослым он объяснял подробно, насколько важны таинства причащения и исповеди, без которых человека может постигнуть духовная смерть, детей убеждал учиться смолоду исполнять заповеди Божий. Он был счастлив служением в храме, с которым душа за эти многие годы срослась. Но он уже видел, что советские власти налогами и поборами добьются разорения храма, когда не останется средств на закупку свечей, масла для лампад, муки для просфор, дров для отопления. Отец Евфимий видел, что власти пойдут до конца в своих намерениях разорить храм и поддерживающих его материально прихожан. Он несколько раз советовал прихожанам перейти служить в дом, но они убедили священника, что найдут возможность содержать и поддерживать храм. Однако безбожники не оставили своего намерения, и 30 июля 1935 года, перед празднованием памяти преподобного Серафима Саровского, Бейский исполком постановил богослужение в храме «без производства полного капитального ремонта... считать невозможным. Здание церкви до окончания церковным советом капитального ремонта закрыть». Причем обязали прихожан через два дня приступить к ремонту. На Ильин день в церковь пришел председатель сельсовета и сообщил, что будет сейчас опечатывать храм. Отцу Евфимию приказали немедленно покинуть церковную сторожку. Из храма позволено было взять лишь старенькую, штопаную-перештопаную ризу и некоторые богослужебные книги. К вечеру о. Евфимий с семьей переехал на край села, где снял комнату, не имевшую отдельного входа, так что надо было проходить через комнату хозяина дома. Через три дня к священнику пришел сотрудник НКВД и предупредил, что если он немедленно не пропишется на новом месте, то будет приговорен к шести месяцам исправительно-трудовых лагерей. Отец Евфимий тут же собрался и пошел в паспортный стол, но он был закрыт. В тот же день о. Евфимию было предъявлено обвинение в нарушении паспортного режима. Суд приговорил его к шести месяцам исправительно-трудового лагеря. Он подал жалобу, сославшись на невозможность в тот момент прописаться. Кассационный суд оставил приговор в силе, снизив наказание до ста рублей штрафа.

После закрытия храма о. Евфимий и церковный совет послали во ВЦИК телеграмму с просьбой разрешить проводить ремонт, не прекращая богослужений. Ответа не было, и они послали повторную телеграмму, а вслед за ней письмо во ВЦИК от общины. Но никакого ответа не получили, и священник стал подозревать, не задержаны ли все эти телеграммы местным начальством в Бее, и просил прихожан опустить письмо за пределами района.

Верующие стали просить у местных властей другое помещение для совершения служб. Исполком отказал: «Нет у нас для вас помещений». Верующие сказали, что сами найдут. «Ищите, – ответили безбожники, – и если оно нас удовлетворит, тогда разрешим».

Лишившись храма, прихожане приходили теперь к о. Евфимию домой, что приносило немало хлопот хозяйке дома, и он стал подыскивать другое жилье и месяца через два переехал с семьей в дом с отдельным входом и довольно большой комнатой, где можно было крестить, отпевать, а со временем и служить. Члены райисполкома тем временем постановили «договор на аренду здания бейской церкви» с общиной верующих расторгнуть. И на Рождество Христово о. Евфимий служил в своем доме, в новоустроенной домашней церкви. Присутствовало человек двадцать. В следующий раз служил всенощную

и литургию на Крещение. Служил ночью и окончил на рассвете. В конце службы он сказал в проповеди:

– Братья и сестры, нам приходится служить воровски, как изгнанникам, и в этом виноваты вы сами, своим слабоверием, тем что отступили от Церкви. Вы все боитесь. Вы пугаетесь, если кто вам покажет мизинец, а если уж топнет ногой, то вы от страха в землю готовы зарыться, а нужно все невзгоды переносить с терпением, как наши апостолы, как терпели старообрядцы при царском правительстве, они готовы были тайно в соломе перевозить священников, чтобы только служить. Вот и нам, возможно, придется служить и в тайге, и в подполье, все терпеть, все переносить.

С каждым годом, с каждой волной арестов священнослужителей и верующих, Российская земля духовно нищала, отемнялась нравственно, помрачалась разумом. На людей, оставленных советской властью для тяжелого труда на земле, горько было смотреть. Однажды кто-то в присутствии священника начал возмущаться, что вот теперь родители не крестят детей. Отец Евфимий хотел промолчать, но не выдержал:

– Не крестят... А вот если бы пришла другая власть и начала бы зверски убивать всех некрещеных детей, тогда мы стали бы возмущаться, глядя на эту ужасную нелепость. А между тем, мы не возмущаемся тем, что убиваем сами души своих детей, лишая их крещения и тем лишая их жизни вечной. Если бы избиение некрещеных было бы недалеко от нас, то мы поторопились бы скорее окрестить своих детей, бросились бы все к священникам. А между тем, мы совершенно не обращаем внимания, что ужас смерти у каждого из нас за плечами. И не торопимся приготовить ни себя, ни детей своих к встрече с этим ужасом.

Вера. Вера православная. Для всякого человека, а для русского человека в особенности, это необходимейшее содержание души и всей жизни. Без веры русский человек начинает беспрерывно жаловаться и беспредметно унывать. В окружающем мире он действует уже как слепой, но при этом не обращается за разрешением своих жизненных вопросов к Богу. И, как всякого человека, надеющегося более на людей, нежели на Бога, его ждет разочарование. Отец Евфимий смиренно выслушивал жалобы прихожан, хотя сам жил с семьей впроголодь, но однажды сказал:

– Мы всегда только жаловались и жалуемся. Помните, как в начале революции вы жаловались на богачей и нанимателей? Сколько было разговоров и вариаций: «А хорошо нам было, когда мы на вас работали за пять фунтов в день?» А ведь кроме этих пяти фунтов, во время нашей работы богач кормил еще нас раза по три в день. А теперь вы жалуетесь, что вам приходится работать только за один килограмм в день и советская власть более ничего не дает. Не жаловаться нужно, а исполнять заповеди и все терпеть. У нас в том положении, в котором мы оказались, не остается выхода, как терпеть советскую власть и все приносимые ею неурядицы. Если уж нас объявили бревнами, предназначенными для строительства государственного здания, то у нас уже нет выхода, как терпеть, пока все не построится.

Годы, проведенные в тюрьме, непосильный труд в лагере и голод подорвали здоровье. Отец Евфимий начал болеть, в 1936 году с ним случился инфаркт и он слег. Старшая дочь, Антонина, посетила его; видя, что положение серьезное, она стала его упрашивать сфотографироваться. По своему смирению, считая себя ни во что, батюшка никогда не фотографировался, у него была единственная фотография, сделанная еще в молодости.

– Ты же не поставишь мою фотографию на виду, – сказал о. Евфимий.

– Папочка, да что я! Да разве я могу не поставить твою фотографию на виду? – возразила дочь.

Отец Евфимий согласился и, когда ему стало лучше, сфотографировался.

Приближался Великий пост, и о. Евфимий решил служить открыто – во всяком случае, в первую неделю поста, на Вербное воскресенье и на Пасху, а после, как Бог даст. Служил он, не спрашивая разрешения властей, но перед самой Пасхой подал заявление, чтобы разрешили служить на Пасху, на Фомине воскресенье и на Радоницу. А про себя решил:

разрешат или нет – все равно буду служить, а власти хотя бы не скажут, что не просил разрешения. Отвратительным раболепством было бы отказаться от церковной службы на Пасху. Верующие собрались в дом священника пораньше, человек тридцать. Началась пасхальная заутреня; около двух часов ночи в дом ворвались сотрудники НКВД с обыском. Все присутствовавшие были переписаны, а священник арестован. При обыске у священника изъяли личную переписку, церковную книгу с регистрацией рождений, смертей и браков, приходно-расходную книгу, церковную кружку, в которой было сто пятьдесят рублей, тысячу двести свечей, семьдесят крестильных крестиков, пятьдесят пять книжечек для церковных поминаний и ветхую ризу.

Пересмотрев все отобранное, власти обнаружили, что священник аккуратно вел все записи рождений, браков и смертей. Сравнили их по книгам, хранящимся в сельсовете. Оказалось, что в сельсовете не зарегистрировано за 1934 год пятнадцать человек родившихся и девять умерших; за 1935 год не зарегистрировано одиннадцать умерших. Обвинили священника, что вопреки запретам советской власти он вел «регистрацию гражданского состояния» и тем «вредил советскому государству, втягивал в преступления часть колхозников и трудящихся единоличников...»

В тюрьме о. Евфимий в объяснительной записке писал: «Если меня необходимо обвинить – покоряюсь этому с радостью. По окончании следствия прошу меня из-под ареста не освобождать, потому что, освободившись, я снова буду чувствовать себя обязанным исполнять свои священнические обязанности, то есть и крестить, и отпевать, и совершать другие требы».

В мае следствие было завершено и священника перевели из дома предварительного заключения в Бее в Минусинскую тюрьму. Его обвинили «в том, что он, будучи священником, собирал у себя на квартире верующих и совершал богослужения, на которых высказывал антисоветские речи...» Отец Евфимий признал, что действительно дома служил, но все иные обвинения отверг. В августе 1936 года Особое Совещание при НКВД приговорило его к трем годам лагеря. В конце августа он был отправлен с этапом в карагандинские лагеря. В степи о. Евфимия сняли с этапа и отрядили перегонять к озеру Балхаш стадо овец. Затем он был заключен в лагерь неподалеку от станции Долинка. Через год, летом 1937 года, против о. Евфимия было начато новое дело. Он был в то время в лагерьной больнице и успел отправить домашним свое последнее письмо. Писал, что состояние его здоровья тяжелое, кроме того, потерял очки и их раздавили, так что он теперь слепой. Украли обувь, белье и, наверное, выбросят из больницы раздетым, потому что его надо кормить, а он уже числится не за лагерем, а за оперчастью как подследственный.

Вскоре о. Евфимий был приговорен к расстрелу и 15 сентября 1937 года расстрелян.

Иным был путь друга о. Евфимия священника Никиты Сторожева, также принявшего смерть в заключении. Да и характера о. Никита был совершенно иного. Родился он в 1885 году в селе Ново-Жуковка Вольского уезда Саратовской губернии.

Окончил учительскую школу. Избрав путь священства, он должен был жениться, потому что уходить в монастырь не собирался, а рукополагать для приходской церкви священника неженатого тогда было не принято. Но не было у Никиты невесты и был он настолько стеснительного характера, что с девушками не знакомился. Поехал он искать невесту в Пензу в институт благородных девиц. Там он и познакомился со своей будущей женой Валентиной. Родители Валентины были крестьяне, она у них – единственная дочь, и сами они уже в преклонном возрасте и очень опасались, что с их смертью войдет в жизнь дочери черная нужда, так что всю жизнь она будет вынуждена заниматься непосильной работой. И решили дать ей образование – продали корову, кое-что из имущества и внесли первый взнос в институт благородных девиц, решив – пусть получит воспитание и образование, может, потом станет воспитательницей в доме какого-нибудь богатого купца или иное какое найдет приличное место. Знали родители, что детей она любит, значит, сможет хорошей быть воспитательницей. Конечно, думали и о том, что, может, и для нее найдется достойный молодой человек.

Женихи в пансион ездили часто, но прежде чем отдать невесту, начальство пансиона наводило о женихе и его семье самые подробные справки, так как отдавание за жениха с плохой репутацией могло повредить репутации пансиона.

Никите Сторожеву показали будущую невесту, она ему понравилась, поехали к ее родителям, и те благословили венчаться. Они обвенчались. Но оба оказались настолько стеснительны и стыдливы, что всю жизнь прожили как брат и сестра. Но без детей не остались.

Пришла однажды к Валентине девушка, помогавшая ей по хозяйству, и сказала:

– Матушка, женщина просится пустить ее в баньку. Дело было зимой. Валентина без раздумий сказала:

– Почему в баньку? Пускай идет в дом.

– Она не хочет, она хочет в баньку, – ответила девушка.

– Ну, может, она хочет помыться, – недоумевала Валентина, – тогда помоги ей.

Прошло два дня, и девушка со смущением сказала:

– Матушка, стыдно сказать, но у нас ребенок в баньке появился.

– Это надо же, – говорит Валентина, – ну так покорми его.

– Я все сделала. Женщина просит оставить ребенка на несколько дней, пока она на работу устроится.

– Хорошо, пусть оставит. Надо будет только как-нибудь обо всем этом отцу Никите сказать.

Сели они за стол ужинать. Валентина хочет сказать и не может, так что уже и о. Никита заметил и спрашивает:

– Вы, наверно, хотите мне какой-то вопрос задать?

– Да, хочу, – едва выговорила она.

– Пожалуйста.

– Батюшка, у нас ребеночек есть.

– Какой ребеночек?

– Вот попросилась одна женщина и в баньке оставила ребеночка.

– Ну оставила, так надо крестить. Когда родился ребеночек? – И посмотрел в святцы. – Прокопий будет.

Так и окрестили ребеночка. И стал он у них как родной, из прихожан и не сомневался никто, что это их сын. А женщина не вернулась. Когда мальчику было лет шесть, через село Большой Улуй, где служил тогда о. Никита после того, как о. Евфимия перевели настоятелем в Ачинск, проезжал обоз с детьми. Везли корейских детей, круглых сирот. Стоял обоз в селе несколько дней. И вот шли о. Никита с женой и маленьким Прокопием мимо обоза. Видят, на телеге лежат, как полешечки, дети, завернутые в тряпье. Ротики открывают, голодные.

Возчик, сопровождавший их, говорит:

– Люди, возьмите по ребеночку, воспитайте. Ведь это круглые сиротки погибают. Ведь они маленькие, их кормить надо!

Прокопий подошел к телеге, взял матушку за руку и сказал:

– Мамочка, возьмем одного ребеночка! Она отвечает:

– Которого?

– А вот этого.

– Ну раз ты выбрал... братика... или сестричку – мы дома посмотрим... Взяли, оказалась девочка. Назвали Марией, крестили. Воспитывали как свою, всему ее научили. И были эти дети о. Никите и матушке Валентине как родные и великим утешением – благодарное детское сердце глубоко отзывалось на истинную любовь, какую они видели со стороны священника и его жены.

Отца Никиту арестовали в 1935 году. Концлагерь находился неподалеку от Кемерово. Здесь о. Никита тяжело заболел воспалением легких. Узнав об этом, Валентина срочно

собралась и поехала, и они еще раз в этой жизни увиделись. Вскоре о. Никита скончался, и администрация лагеря разрешила жене взять его тело для погребения.

Игумен Дамаскин (Орловский)

«Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Жизнеописания и материалы к ним. Книга 2». Тверь. 2001. С. 281-305

Библиография

Послужной лист протоиерея Евфимия Горячева (1916-1934 гг.)

Письма протоиерея Евфимия Горячева к дочери.

Архив УКГБ по Красноярскому краю. «Дело по обвинению Горячева Е.Н.». Арх. № П-8846. Л. 13-20, 23, 25, 26, 30, 35.

Там же. Арх. П-11723. Л. 1, 5, 7-10, 12, 13, 16-23, 43-46, 49, 50, 53, 56, 57, 64, 66, 69.

Примечания

[1] Священник Владимир Фокин был истинным пастырем и сердечным, отзывчивым человеком, почему и пользовался большим уважением среди своих прихожан и всех знавших его. 24 января он был захвачен отрядом Щетинкина и расстрелян в полутора километрах от деревни Лодочная. На теле его, кроме огнестрельных ран, оказалось три штыковых. Ввиду того, что места эти были захвачены большевиками, тело священника было вывезено ночью из села Ново-Еловского и перевезено в город Ачинск, где и состоялось отпевание. Священник был погребен рядом с ачинской Казанской церковью. В погребении, кроме духовенства, участвовало почти все население города.

[2] Он был арестован 31 января. На передней подводе ехали арестовавшие его красноармейцы, на задней – священник. Отъехав немногим более километра от села, красноармейцы остановили подводы, вытащили священника из саней, сняли с него шубу и потребовали, чтобы он снял с себя крест. Отец Михаил отказался. Тогда они попытались силой вырвать из рук священника крест, но безуспешно. Сжимая в руках крест, священник молился: "Не ведут бо, что творят!" Один из палачей выстрелил в упор в голову. Отец Михаил упал, и они стали стрелять в него, выпустив зарядов двадцать, пока не убили. 17 марта в Благовещенской церкви города Красноярска было совершено торжественное отпевание в сослужении архиепископа и духовенства. Тело пастыря-мученика было погребено рядом с Благовещенской церковью.

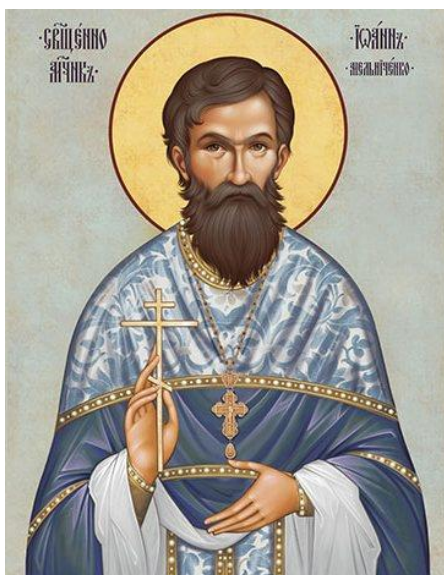
По материалам сайта: https://azbyka.ru/days/sv-evfimij-gorjachev#_p1

Священномученик Иоанн Мельниченко, пресвитер

Сщмч. Иоанн Мельниченко (1889-1937) был учителем, а в 1922 году рукоположен в священники. Арестован в 1935 году и осуждён на 7 лет лагерей за «контрреволюционную агитацию». В Карлаге был арестован вновь в 1937 году как «активный сторонник группы Цедрика» и за «антисоветские высказывания». Виновным себя не признал, за исключением пения церковных песнопений. Приговорён к расстрелу и казнён 15 сентября 1937 года.

Священномученик Иоанн Мельниченко родился 26 сентября 1889 года в селе Устье Бершадского района Винницкой области. С 1917 по 1922 год он работал учителем в сельской школе, а в 1922 году его рукоположили в сан иерея и он начинает пастырское служение в одной из церквей Винницкой области.

5 сентября 1935 года отца Ивана арестовали и обвинили в «контрреволюционной агитации пораженческого характера». Последовал приговор: 7 лет исправительно-

трудового лагеря. Сначала священника содержали в тюрьме города Винница, а затем переправили этапом в Бурминское отделение Карлага НКВД (поселок Бурма

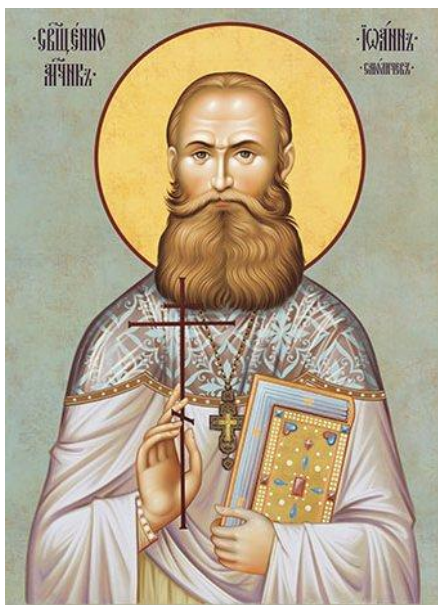
Карагандинской области, Казахстан). В лагере отца Иоанна ждал еще один арест: 14 августа 1937 года он был арестован как "активный сторонник группы Цедрика". Как и другим членам группы ему была инкриминирована «к/р деятельность в лагере» и «участие в нелегальных собраниях и богослужениях».

Вот выписка из обвинительного заключения: "Был знаком с другими служителями культа, в своей канцелярии устраивал пение церковных песен со служителем религиозного культа Басовым. Кроме того, будучи недоволен советской властью, высказывал ряд антисоветских взглядов по отношению к революционным праздникам и порядкам". На допросе отец Иоанн заявил:

"Признаю себя виновным только в том, что пел церковные песнопения, а остальные обвинения не признаю". 10 сентября 1937 года, вместе с другими священнослужителями, иерей Иоанн Мельниченко был приговорен к высшей мере наказания. 15 сентября 1937 года приговор был приведен в исполнение и батюшка Иоанн принял мученический венец через расстрел.

По материалам сайта: <https://azbyka.ru/days/sv-ioann-melnichenko>

Священномученик Иоанн Смоличев, пресвитер

Сщмч. Иоанн Смоличев родился в 1889 году в Черниговской губернии. Был рукоположен во иереи в 1924 году епископом Дамаскином (Цедриком). Дважды арестовывался за «контрреволюционную деятельность»: в 1930 году (5 лет лагерей) и в 1936 году по делу епископа Дамаскина (вновь 5 лет ИТЛ). В Карлаге продолжал тайно совершать богослужения. В 1937 году был арестован в лагере за участие в «к/р группе» и приговорён к расстрелу. Казнён 15 сентября 1937 года.

Родился 27 января 1889 года в селе Княжицы, Глуховского уезда, Черниговской губернии в семье священника. Образование получил среднее, до революции учился в Санкт-Петербургской духовной академии.

В 1919 году был фельдшером в армии Колчака в городе Томске. С конца 1919 года был один год помощником врача в Красной армии.

С 1920 по 1924 года работал педагогом.

В мае 1924 года в городе Глухове епископом Глуховским, викарием Черниговской епархии Дамаскиным (Цедриком) был хиротонисан в сан священника.

В 1930 году арестован НКВД города Чернигова за контрреволюционную деятельность и приговорен к 5 годам исправительно – трудового лагеря.

27 октября 1937 года вторично осужден тройкой НКВД СССР за контрреволюционную деятельность и приговорен к 5 годам исправительно – трудового лагеря.

В Карлаг поступил с Челябинским этапом 7 декабря 1936 года.

Находился на Бурминском отделении Карлага, работал счетоводом-бухгалтером.

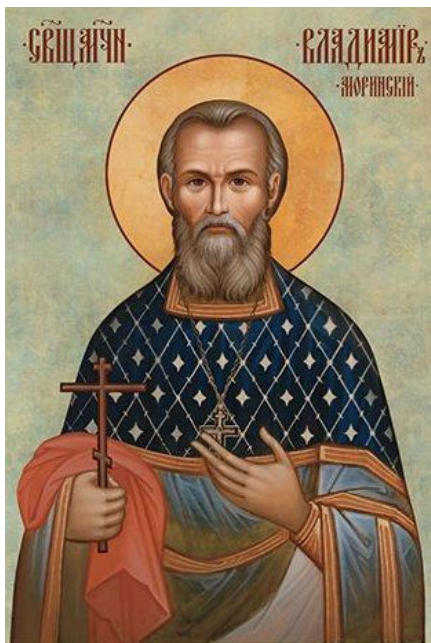
В Карлаге арестован 14 августа 1937 года. Он был взят в лагере под стражу по обвинению в том, что "проводил нелегальные богослужения в лагере", что было расценено как "контрреволюционная деятельность". На вопрос следователя, знает ли он, что "религия - опиум народа", ответил: "Я не согласен, что религия является опиумом народа, а наоборот, утверждаю, что правильно понимаемая идея религии обязательно облагораживает человека".

10 сентября 1937 года Особой тройкой при УНКВД по Карагандинской области приговорен к расстрелу. Казнен вместе с епископом Дамаскином, погребен в безвестной общей могиле.

Прославлен Архиерейским юбилейным Собором Русской Православной Церкви 2000 года.

По материалам сайта: <https://mitropolia.kz/september/483-ioann-smolichiev.html>

Священномученик Владимир Моринский, пресвитер

Сщмч. Владимир Моринский (1883-1937) был регентом и учителем пения. Рукоположен в священники в 1934 году. Арестован в 1935 году за «антисоветскую агитацию» и осуждён на 3 года лагерей. В Карлаге был арестован вновь в 1937 году по делу епископа Дамаскина (Цедрика) за участие в тайных богослужениях и «контрреволюционную деятельность». Вину себя не признал. Приговорён тройкой УНКВД к расстрелу и казнён 15 сентября 1937 года. Причислен к лику святых в 2000 году.

Священномученик Владимир Александрович Моринский родился 24 июня 1883 года в Санкт-Петербурге. Отец Владимира Моринского был певчим в церковных хорах. Мальчик рано осиротел, был отдан на воспитание в патронажный частный церковный хор. В 1903 году вместе с церковным хором Владимир переехал в Москву, пел в московских храмах. В 1912 году получил место учителя пения в городе Клину Московской губернии, одновременно в течение полугода был регентом соборного хора. Затем переехал в село Спас-Квашонки Калязинского уезда Тверской губернии. Там преподавал пение в местной школе, возглавлял церковный хор. В 1916 году Владимир Моринский был призван в армию, служил рядовым в 238-м запасном стрелковом пехотном полку в Орле. В 1917 году вернулся в Москву, преподавал пение в школах. С 1924 года работал в различных советских учреждениях, пел в церковном хоре и готовился к принятию священного сана. Владимир Александрович и его супруга не имели детей и взяли на воспитание мальчика-сироту.

27 июля 1934 года Владимир Моринский был рукоположен во диакона, в августе – во священника к храму мучеников Адриана и Наталии в городе Лосиноостровске под Москвой (ныне в черте Москвы). Ревностно исполнял обязанности пастыря, вскоре стал известен как усердный молитвенник и подвижник. Позднее на следствии по делу отца Владимира свидетели рассказывали, что по молитвам священника происходили исцеления.

1 апреля 1935 года Владимир Моринский был арестован, заключен в Бутырскую тюрьму, обвинен в том, что «систематически проводил антисоветскую агитацию, занимался кликушеством, распространял провокационные слухи о гонении на православную церковь в СССР». Священник с обвинением не согласился. 8 июня Особое совещание при НКВД

СССР приговорило священномученика к 3 годам ИТЛ. Он отбывал срок в Бурминском отделении Карагандинского лагеря, где работал заведующим фуражным складом.

1 сентября 1937 года отец Владимир был арестован в лагере в ходе следствия по групповому делу епископа священномученика Дамаскина (Цедрика), обвинен в том, что, «будучи заключенным и отбывая наказание в Карлаге НКВД... продолжал свою контрреволюционную деятельность, выражавшуюся в том, что собирались... Цедрик, Моринский и Лиллов и устраивали пение молитв в здании почтовой экспедиции, с Горячевым неоднократно устраивали чтение вечерних молитв, а также убеждали заключенного не отказываться от священного сана». Виновным в «контрреволюционной деятельности» священник себя не признал. Расстрелян 15 сентября 1937 года по постановлению тройки УНКВД по Карагандинской области от 10 сентября в один день со священномучениками епископом Дамаскиным (Цедриком), протоиереем Евфимием (Горячевым) и др. Прославлен Архиерейским юбилейным Собором РПЦ 2000 года.

Составитель игумен Дамаскин (Орловский)

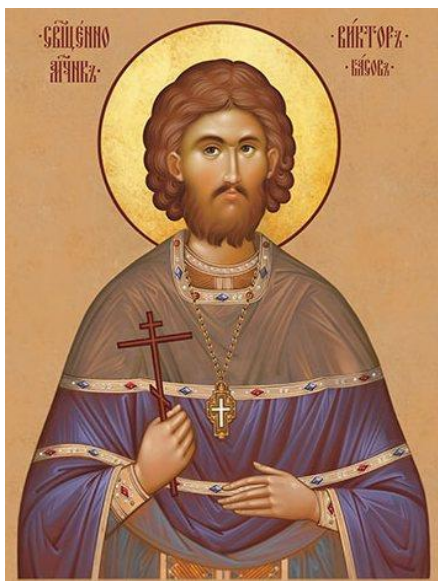
Библиография

ГАРФ. Ф. 10035. Д. П-42180;

Архив Центра правовой статистики и информации при областной прокуратуре г. Караганды. Д. № 2149.

По материалам сайта: <https://azbyka.ru/days/sv-vladimir-morinskij>

Священномученик Виктор Басов, пресвитер

Сщмч. Виктор Басов родился в 1892 году в семье диакона. Рукоположен в священники в 1925 году. Арестован в 1935 году за «антисоветскую агитацию» и помощь крестьянам в составлении жалоб, осуждён на 5 лет лагерей. В Карлаге был арестован вновь в 1937 году по делу епископа Дамаскина (Цедрика) за участие в пении церковных песнопений. Приговорён тройкой УНКВД к расстрелу. Казнён 15 сентября 1937 года. Причислен к лику святых в 2000 году.

Священномученик Виктор Петрович Басов родился 29 октября 1892 года в селе Городец Нижегородской губернии в семье диакона. По окончании Духовной семинарии несколько лет служил псаломщиком. В 1918 году рукоположен во диакона, в 1925 году – во иерея. Служил в одном из сел Арзамасского района Нижегородского края, с 1931 года – в храме в селе Ефимьево Богородского района. 17 апреля 1935 года по доносу одного из жителей села отец Виктор был арестован и заключен в тюрьму в Горьком. Обвинен в выступлениях против колхозов, произнесении «антисоветских» проповедей, помощи крестьянам в составлении жалоб на неправильное налогообложение. Во время заседания спецколлегии краевого суда 1 июня священник сказал: «Виновным я себя не признаю... Я твердо держусь правила не выступать против какой бы то ни было власти». Был приговорен к 5 годам ИТЛ.

30 августа 1937 года отец Виктор был арестован в лагере как сторонник «контрреволюционной группы» священномученика епископа Дамаскина (Цедрика), обвинен в «систематическом ведении контрреволюционной деятельности... направленной на дискредитацию политики партии и правительства и на свержение существующего строя». Поводом для ареста послужило пение Виктором Басовым «церковных песен»

(канона Пасхи) вместе со священномучеником Иоанном (Мельниченко). Священник Виктор Басов не признал себя виновным в контрреволюционной деятельности. Расстрелян 15 сентября 1937 года по приговору тройки УНКВД по Карагандинской области от 10 сентября. Прославлен Архиерейским юбилейным Собором РПЦ 2000 года.

Составитель игумен Дамаскин (Орловский)

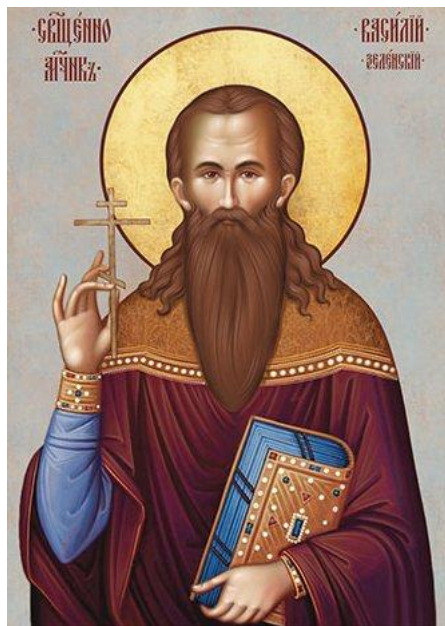
Библиография

Государственный Архив Нижегородской обл. Ф. 2209. Оп. 3. Д. 18741.

Архив Центра Правовой Статистики и информации при Областной Прокуратуре г. Караганды. Д. № 2149.

По материалам сайта: <https://azbyka.ru/days/sv-viktor-basov>

Василий Матвеевич Зеленский (1881 - 1937) – священник, священномученик

Родился в 1881 году в городе Лебедин Харьковской губернии. До Октябрьской революции 1917 года он служил священником в городе Белополье Сумского уезда, затем в городе Купянске (до 1 янв. 1930), станице Мечетинской Северо-Кавказского края (до 30 нояб. 1930), городе Пятигорске (до 14 июня 1933), станице Кушёвской (до 1 февр. 1934), в селе Красном Штейнгартовского района Азово-Черноморского края. После закрытия церкви в 1935 году, отец Василий собирал подписи жителей села за возвращение храма верующим.

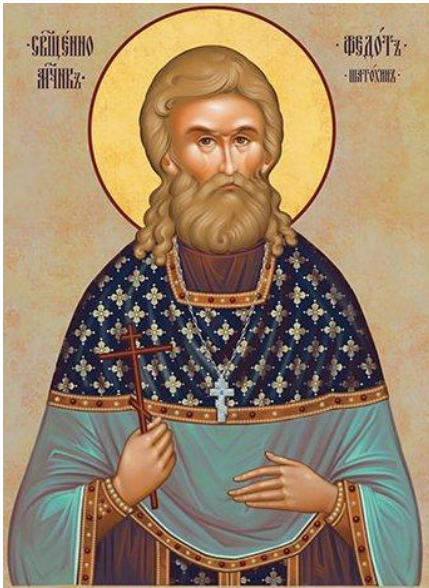
31 августа 1935 года священник был арестован и заключен в Новочеркасскую тюрьму. 19 ноября особым совещанием НКВД за "провокационную деятельность" он был осужден на 3 года исправительных работ и направлен в Карагандинский исправительно – трудовой лагерь, куда прибыл 2 января 1936 года. В августе 1937 года отец Василий был арестован в лагере, обвинен в совершении "незаконных молитв" в сопках, в сооружении каменного креста у могил казаков, похороненных в феврале - марте 1937 года, в совершении панихиды по расстрелянным, в отказе выйти на "ударник по скирдованию сена", а также во "внедрении веры в Бога и прочих святых" среди заключенных и в "ведении контрреволюционной агитации пораженческого характера".

19 августа 1937 года иерей был допрошен. Виновным себя он не признал. 15 сентября 1937 года отец Василий Зеленский был расстрелян вместе со священномучениками Феодотом Шатохиным, Петром Новосельским, Стефаном Ярошевичем и преподобномученицей Ксенией (Черлиной-Браиловской) по постановлению тройки УНКВД по Карагандинской области от 10 сентября 1937 года. Место его погребения неизвестно.

Священномученик Василий был прославлен в лике святых Архиерейским юбилейным Собором Русской Православной Церкви в 2000 году.

По материалам сайта: <https://mitropolia.kz/september/463-vasilij-zelenckij.html>

Священномученик Феодот Шатохин, пресвитер

Сщмч. Феодот Шатохин родился в 1888 году. Был рукоположен в священники. Дважды арестовывался: в 1926 году за «распространение религиозных убеждений» (1 год тюрьмы) и в 1935 году в Донецке (7 лет лагерей). В Карлаге был арестован в августе 1937 года по групповому делу за участие в нелегальных молениях и «антисоветскую агитацию». Виновным себя не признал. Приговорён тройкой УНКВД к расстрелу. Казнён 15 сентября 1937 года.

Священномученик Феодот[1] Трофимович Шатохин родился в 1888 году в селе Зайцево Екатеринославской губернии (ныне Украина, Горловский район). Во время Первой мировой войны он был солдатом Окского пехотного полка.

В 1926 году будущего священномученика арестовали и посадили на год в тюрьму с обвинением: "Распространение религиозных убеждений среди крестьян". Второй раз его арестовывают 2 апреля 1935 года в Донецке. Известно, что в это время он был уже священником. Кто его рукоположил, осталось неизвестным, потому что на допросах, чтобы ни на кого не показать, он занял очень аккуратную позицию: "О себе ничего не знает и ни о ком ничего показать не может" (из материалов дела).

Не стал молчать отец Феодот только о своих религиозных чувствах, тем самым и в неволе не оставляя пастырского благоговения: "При допросе заявил, что наука и прочее только от Бога и Бог сотворил людей и Бог, что захочет, то и сделает каждому неверующему человеку". 14 июля 1935 года спецколлегия Донецкого Облсуда приговорила иерея Федота Шатохина к 7 годам исправительно-трудового лагеря. Отбывать срок он был отправлен в Коктун-Кульское отделение Карлага НКВД.

20 августа 1937 года отец Феодот вместе с другими, единомысленными ему священниками, был арестован в лагере. Как и другим, проходившим по делу «священника Василия Зеленского и др.», ему было предъявлено обвинение, в котором кроме прочего говорилось: "состоял в к/р группе, которая устраивала нелегальные моления, где соорудили крест, а/с агитация, отказался выйти на ударник по скирдованию сена, участвовал в панихиде по расстрелянным врагам народа". Виновным себя отец Феодот не признал. 10 сентября 1937 года иерей Феодот Шатохин был приговорен тройкой при УНКВД по Карагандинской области к высшей мере наказания. 15 сентября того же года он был расстрелян.

Примечание

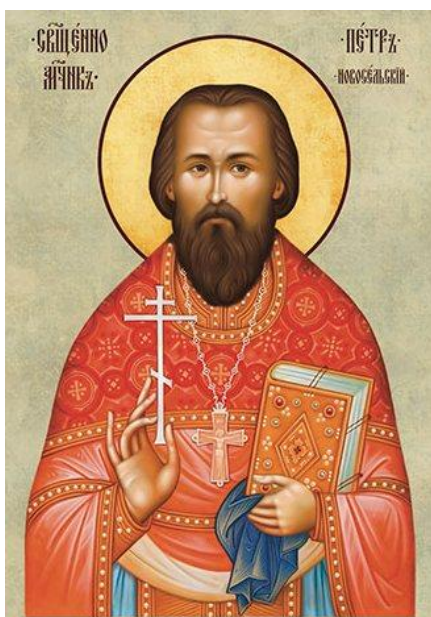
[1] Имя этого святого переводится с греческого как «Данный Богом», что соответствует славянскому имени Богдан. В православии нет святого с именем Богдан, поэтому для мужчин с этим именем следует обращаться к святому Феодоту.

По материалам сайта: <https://azbyka.ru/days/sv-feodot-shatohin>

Петр Иванович Новосельский (1883 - 1937) – священник, священномученик

Священномученик Петр (Петр Иванович Новосельский) родился в селе Смирново Нижегородской губернии в семье диакона в 1883 году. Он закончил Духовную семинарию

в 1905 году, после чего принял священный сан. Отец Петр служил священником в одной из церквей Нижнего Новгорода.

В 1929 году иерея первый раз арестовали, обвинили в "контрреволюционной деятельности" и приговорили к 3 годам ссылки в Туруханский край. После того, как срок наказания закончился, отец Петр продолжил священническое служение в Нижнем Новгороде. 23 мая 1935 года состоялся второй арест. Из обвинительного заключения: "1 мая устроил по сговору с митрополитом Евгением [Зерновым], причтом и церковным советом совместно с Зуновым, Македонским и др. торжественное богослужение с целью отвлечения населения от участия в Первомайской демонстрации". В обвинительном акте подводился итог: "активная контрреволюционная агитация, тесная связь со служителями культа, в том числе с митрополитом Евгением [Зерновым], проповеди антисоветского содержания". Последовал приговор: 3 года исправительно-трудового лагеря.

Отбывать наказание отцу Петру пришлось в Карлаге НКВД (Карагандинская область, Казахстан). Там он работал счетоводом, учетчиком молока, пчеловодом. В "Характеристике заключенного" говорилось: "Участвовал в ликвидации неграмотности. Поведение безупречное в быту и на производстве". Несмотря на положительность всех характеристик, 31 августа 1937 года отец Петр был арестован в лагере.

Он проходил по Групповому делу "священника Василия Зеленского и др., г. Караганда, 1937г.". Из обвинительного заключения: "Проводил церковные богослужения и крещения детей. Как бывший священник не отступает от своих религиозных убеждений". "В марте 1937г. произвел нелегальное крещение ребенка заключенной Межаготовой, крещение произвел в здании база, а вместо купели приспособил таз, в котором поили телят". В контрреволюционной деятельности отец Петр виновным себя не признал. Из материалов дела: "На допросе отрицал факт крещения ребенка. Сказал, что этого не было и требовал разоблачить клевету, сказал, что о богослужении у креста ничего не знает".

10 сентября 1937 года священник Петр Новосельский был приговорен тройкой при УНКВД по Карагандинской области к высшей мере наказания – расстрелу. 15 сентября того же года приговор был приведен в исполнение.

Канонизирован в августе 2000 года на Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви.

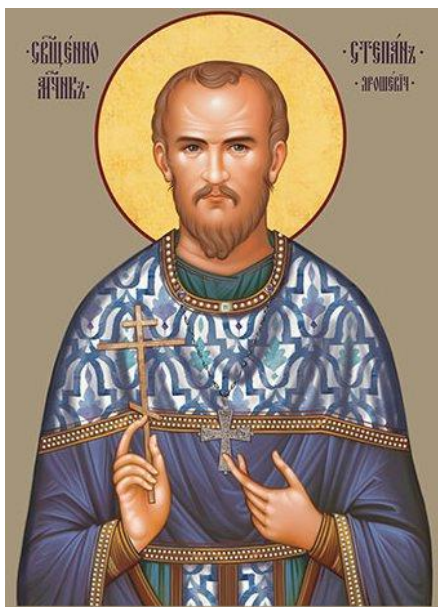
По материалам сайта: <https://mitropolia.kz/september/498-petr-novoselskij.html>

Степан Александрович Ярошевич (1883 - 1937) – священник, священномученик

Священномученик Стефан родился в 1883 году в селе Осташково Проскуровского уезда Подольской губернии в семье псаломщика. Степан Александрович получил среднее образование и стал священником. Известно, что с 1930 по 1935 год он служил в селе Горячевка Винницкой области.

7 ноября 1935 года отца Стефана арестовали и приговорили к 6 годам исправительно-трудового лагеря. Отбывать срок ему пришлось в Коктун-Кульском отделении Карлага НКВД (Карагандинская область, Казахстан), где он работал строителем на 6-м участке. В августе 1937 года в Карлаге провели несколько арестов, был арестован и отец Стефан. Всем

проходившим по групповому "делу священника Василия Зеленского и др. " были предъявлены обвинения. Отцу Стефану было инкриминировано: "состоял в контрреволюционной группе, которая устраивала нелегальные моления на сопках, где соорудили крест, антисоветская агитация, устраивал панихиду по расстрелянным врагам народа, отказался выйти на ударник по скирдованию сена". В обвинительном заключении разъяснялось: "...после расстрела врагов народа Тухачевского и др. совместно с Зеленским устроил панихиду по расстрелянным, называя их своими людьми".

Винным себя отец Стефан не признал, на допросах давал короткий ответ: "Ничего не говорил, ничего не знаю. Знаю только Зеленского".

10 сентября 1937 года тройка при УНКВД по Карагандинской области приговорила иерея Стефана Ярошевича к высшей мере наказания.

15 сентября того же года он был расстрелян вместе с епископом Дамаскиным (Цедриком) и другими священнослужителями.

Канонизирован Архиерейским Собором Русской Православной Церкви в августе 2000 года.

По материалам сайта: <https://mitropolia.kz/september/501-stepan-yaroshevich.html>

Ксения (Черлина – Браиловская) (1881 - 1937) – монахиня, преподобномученица

В миру Евдокия Черлина-Браиловская – родилась 24 января 1881 года в Харькове в мещанской семье. Она стала монахиней Серафимо-Дивеевского Троицкого женского монастыря. В одном из следственных дел говорится, что она "до революции была тесно связана с княжной Ольгой Николаевной Романовой, с которой разъезжала по монастырям".

После революции и разорения родного монастыря матушка поселилась в селе Александровское Тверской губернии.

9 апреля 1938 года матушку Ксению арестовали. Было предъявлено обвинение: "участие в контрреволюционной монархической организации, занималась контрреволюционной политической агитацией, специально для этой цели расхаживая по деревням". Последовал приговор: 8 лет исправительно-трудового

лагеря. Из Петропавловской тюрьмы она была переправлена в Коктун-Кульское отделение Карлага НКВД (Карагандинская область, Казахстан). В лагере она работала телятницей.

В августе 1937 года матушка Ксения была арестована в лагере на основании доноса. Из доноса: "Черлина ходила служить панихиду на казачьи могилы за погибших людей. Среди заключенных говорила, что мы, Божии люди должны молиться за память павших, а антихристовой агитации, то есть советской, мы не должны слушать, наших людей сейчас судят, мы сейчас все Богу преданы, должны терпеть, и Бог нам поможет". В другом месте доноса: "Ей доверили ходить за скотом, она молится, а телки гибнут".

При составлении обвинительного заключения суммировали: "состояла в контрреволюционной группе, которая устраивала нелегальные моления на сопках, где выложили из камней крест, антисоветская агитация, ходила служить панихиду за погибших людей, контрреволюционная агитация пораженческого характера". Виновной себя матушка не признала.

10 сентября 1937 года тройка при УНКВД по Карагандинской области приговорила монахиню Ксению (Черлину-Браиловскую) к высшей мере наказания. 15 сентября того же года она была расстреляна.

Прославлена Архиерейским юбилейным Собором Русской Православной Церкви 2000 года.

По материалам сайта: <https://mitropolia.kz/september/485-kseniya-cherlina-brailovskaya.html>